АЛЕКСАНДР
МОКРОУСОВ

ТЕРРОРИСТ *из* «ГРИНГО»

ОН РЕШИЛ РАЗДЕЛИТЬ МИР ПОПОЛАМ

Александр Мокроусов

Террорист из «Гринго»

Серия «Преступление в большом городе. Современный детектив»

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69392848
ISBN 978-5-04-189019-3

Аннотация

Террористическая организация «Гринго» планирует разрушить границы на всем восточном полушарии Земли. Спецслужбы трех стран объединяются в попытках хоть как-то противодействовать преступникам. Надо во что бы то ни стало внедрить к ним своего агента. Выбор пал на Максима Романова. Он не разведчик и не суперагент. Бизнесмен-миллиардер из Краснодара, обладающий уникальными качествами: он необыкновенно умен, храбр и не привык сдаваться. Теперь ему предстоит победить там, где матерые агенты спецслужб трех стран лишь беспомощно разводят руками…

Содержание

Предисловие первое, 5
Предисловие второе, 7
Глава 1 9
Глава 2 22
Глава 3 33
Глава 4 45
Глава 5 57
Глава 6 68
Глава 7 80
Глава 8 96
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Александр Мокроусов
Террорист из «Гринго»

Все, что вы прочтете – является исключительно плодом фантазии автора. Любые совпадения с реальными именами или названиями – не более, чем случайность.

Предисловие первое, от главного героя

Я – Максим Романов. 38 лет, 186 см., 95 кг. Отличное чувство юмора, острый ум и огромный опыт в бизнесе. Я – владелец группы компаний «Максим» и какой-то трехзначный номер, начинающийся иногда с единицы, но чаще с двойки, в списке российского «Форбс».

В нашей жизни все всегда начинается с желания. Эта история не исключение. Я просто хотел купить самолет.

Каждый в своей жизни покупал машину, или планирует когда-нибудь ее купить. Машина у меня уже есть, и, кажется, даже не одна. Поэтому я хотел купить самолет. Передвигаться по нашей огромной стране, не говоря уже о мире, кроме как на самолете – слишком дорого. По времени дорого.

Мои директора нашли пару подходящих бортов в Великобритании, поэтому я полетел в Лондон. Ну а дальше все закрутилось так, что почти неделю я забывал выдохнуть. Лондон, Стамбул, Вена. Чуть-чуть Краснодара, Севастополя и Парижа. И снова Лондон, МИб, ГРУ, «Моссад», старые знакомые и новые фантастические знакомства…

Я как будто всю неделю провел на американских горках. Причем весь маршрут состоял исключительно из вот этих, наверняка знакомых вам моментов, когда вагончик взбира-

ется на самый верх, вы уже не видите ничего, кроме чистого неба, не над головой, а перед собой, вагончик переваливает пик и ныряет в бездну. Вот этот самый момент и растянулся у меня на неделю.

Теперь я точно знаю, как объяснить ребенку теорию относительности.

Предисловие второе, выдержка из меморандума международной организации «Гринго»

Высокой целью нашего братства является объединение всего человечества в Великий Халифат.

Высокой целью нашего братства является построение в Великом Халифате коммунистического общества.

Высокой целью нашего братства является социальная и экономическая справедливость и равенство всех граждан, процветающих под управлением Великого Халифа и его сыновей-визирей.

Первой задачей братства является объединение восточного полушария, всех земель между Гринвичским и 180-тым меридианами.

Центром Великого Халифата станет остров Великобритания. Все остальные земли Восточного полушария разделяются на провинции: Африкуя (Африка), Устуралия (Австралия), Алсин (Китай), Альхенд (Индия), Уруба (Европа), Русия (Россия). В каждой провинции назначается наместник-эмир.

В переходный период, первые десять лет после объедине-

ния земель, эмиром провинции может служить мужчина любого вероисповедания.

Глава 1

Письмо принес старший консьерж. Он вошел в номер одновременно с горничными, подавшими завтрак, и передал конверт встретившему его старику ирландцу. Камердинер лишь положил его на серебряный поднос и оставил на столе, рядом с кофейником. Белый конверт из толстой, текстурной бумаги. Без каких-либо наклеек, марок, штемпелей или пластиковых окошек. Без рисунков, напечатанных адресов получателя или отправителя. Единственная надпись на конверте, похоже, была выполнена кисточкой или пером для каллиграфии с очень широким и гибким наконечником. Во всяком случае ширина штриха в буквах была не одинакова, края штриха были более насыщенного цвета, да и цвет менял градиент даже внутри одной буквы.

Надпись содержала лишь два слова: «Sir Alexander».

Адресат стоял у огромного, во всю стену, гостиничного окна. Высокий, худощавый мужчина, за сорок, больше шести футов и меньше ста восьмидесяти фунтов, рыжие волосы с заметной проседью и уже наступающим от макушки облысением. Высокий, интеллектуальный лоб, тонкий нос с едва заметной горбинкой, бледно-розовые губы сжаты, и, в то же время, как будто застыли презрительно выпятившись. Лицо, словно перевернутое куриное яйцо, вырастает овалом

из острого подбородка, за который так удобно взяться подушечкой большого и костяшкой указательного пальцев во время особенно напряженных размышлений.

Девять утра, а за окном уже за сотню по фаренгейту. Несмотря на это, сэр Александр, как всегда, одет в костюм, светло-бежевый, однобортный, из фресковой, сильно перекрученной нити шерсти ламы-викуньи, с добавлением шелковых прядей. Белая льняная рубашка. Песочный галстук в полоску повязан «полувиндзором», любимым узлом Александра, к сожалению, не всегда доступным в чопорной правительственной Англии. Хотя, после прихода месяц назад на Даунинг стрит Бориса Джонсона, вероятно на ассиметричный узел сэра Александра в Палате лордов уже никто критически не посмотрит. Из-под манжета выглядывают стальные «Петек Филипп».

Сэр Александр бросает взгляд на часы. До встречи еще десять минут, но стоит поторопиться, тут конечно быстрые лифты, но для подъема с тридцать девятого на сто двадцать второй этаж, придется сделать одну пересадку. Опаздывать сэр Александр не любил и от других, в равной степени, не приемлел ни опозданий, ни заблаговременных приходов. Стоило его контрагенту приехать на пару минут позже, и встреча отменялась. Ну а посетителей, приехавших к нему более, чем за пять минут – даже в дом не пускали, так и стояли они под дверями, прячась от дождя под зонтами помощников.

Дождь. Сэр Александр вспомнил про постоянную островную сырость и, невольно, взглянул в окно. Тонированные и, наверняка, покрытые каким-то специальным составом гостиничные окна, не пропускали ультрафиолет и сильно гасили свет уже стоящего достаточно высоко солнца. И все же долго смотреть на игру солнечных лучей на воде было не приятно. Бассейны, целая система бассейнов перед «Дубай Моллом». Не напоминает ли страсть местных ландшафтных дизайнеров к установке где ни попадя водоемов страсть островных архитекторов к паркам и газонам? Хотя, тут скорее не вопрос эстетики, арабы пошло демонстрируют миру свое колоссальное богатство. Ну и голос предков, для которых вода была не просто богатством, а средством выживания. Стандартное для подростка: «Папа, смотри, а я смог»… Да, вероятно у наций, как и у людей, есть свои возрасты. И арабы пока еще даже из пубертатного периода не вышли. Им еще нужно кому-то что-то доказывать. Значит, сэр Александр прав, и он, как представитель более зрелого народа, имеет право снисходительно выпятить верхнюю губу при взгляде на бассейны под окном.

Еще раз взглянув на часы, сэр Александр отошел от окна и, пройдя через серо-стальную гостиную, вышел из номера. На ходу он застегнул пуговицу на манжете пиджака. Ирландец, старик-камердинер, служащий в семье Александра вот уже почти сорок лет, все время норовил отстегнуть крайнюю пуговку на левом рукаве, уверяя, что это приносит удачу…

Конверт так и остался лежать на столе в столовой, сэр Александр решил распечатать его после возвращения. О предстоящей встрече, как и вообще о том, что он будет в Дубае, знали лишь пара человек. Поэтому, в письме не могло быть ничего, что касалось бы работы или политики. Вероятно, администрация отеля, поздравляет ВИП постояльца с каким-то местным праздником или дарит какую-то СПА процедуру. Даже на фоне привилегированных гостей Армани Отеля в Бурж Халифе, сэр Александр разумеется выделялся, потому письмо от управляющего в первые же часы приезда его не удивило. Но, читать за завтраком его отучила матушка, а опаздывать на встречи – отец. Конверт так и остался не распечатан. Если бы англичанин нарушил урок хотя бы одного из своих родителей, это ничего бы не поменяло, просто он лишился бы одного сюрприза.

Чтобы понять, для чего сэр Александр прилетел в Дубай в августе, в самый жаркий месяц, когда даже сами арабы предпочитают уехать в Малайзию, заполняя отели Порта-Диксон до отказа, нужно знать две вещи: бутлегерство и банки.

Слово «бутлегер» произошло от английского «boot» – ботинок. Во времена Гражданской войны в США военные проносили в лагеря контрабандное спиртное в сапогах. Термин получил второе рождение во времена «сухого закона» в двадцатых-тридцатых годах прошлого века.

Слово «банк» произошло от итальянского «banco». Так

назывался стол менялы, на котором он раскладывал монеты и производил торг. Первые банки появились в Вавилоне уже в восьмом веке до нашей эры. Возможно, профессия банкира могла бы даже посоревноваться за звание одной из самых древних.

Одна из функций любого банка – осуществление расчетно-кассового обслуживания. Представьте, что в Нью-Йорке, в офисе некой корпорации, лежит чемоданчик с миллионом долларов. Эти деньги необходимо передать в Лондон, в филиал компании. Конечно, можно снабдить специального человека необходимыми документами и охраной, купить билеты на коммерческий трансатлантический рейс или зафрахтовать частный самолет, и доставить чемоданчик адресату. Но это дорого, не безопасно и, главное, очень долго.

Можно сэкономить время, деньги и нервы, и воспользоваться услугами банка, участника международной системы SWIFT. В таком случае американским сотрудникам компании нужно лишь привезти деньги в нью-йоркский банк, и уже через несколько минут лондонские коллеги смогут упаковывать деньги в такой же чемоданчик, но уже в Лондоне. Конечно не весь миллион, за время пути сумма чуть снизится, но это все равно дешевле билетов на самолет для курьера и охраны.

Казалось бы, сплошные плюсы. Идеальная бизнес схема, в которой для банков нет конкурентов. Удобна для всех, и

для банка, заработавшего на нажатии нескольких компьютерных клавиш, и для клиента, гарантированно передавшего сумму через океан. Все так, если бы не одно но. Сила банков, их надежность, гарантированность любого банковского действия – это и их слабость. Любая банковская операция записывается, дублируется, проверяется и вновь записывается. Имея необходимые ордеры и постановления, заинтересованные стороны могут в любой момент получить информацию об операциях любого клиента. Ну а при отсутствии ордера – получение такой информации становится лишь вопросом цены… И пусть вас не обманывают рекламные слоганы о каких-то там «банковских тайнах». Это примерно то же самое, что и ставка на тайну исповеди, или честное слово хранить тайну от лучшего друга. Вопрос доверия.

Теперь представьте ту же ситуацию, те же главные герои: чемоданчик с миллионом, отправитель в США, получатель в Англии. Вот только у отправителя и получателя есть обоюдное желание не оставлять о своих отношениях никаких бумажных следов. Казалось бы, тут прямой путь к варианту номер один, курьер, билет, охрана. Но и здесь есть несколько подводных камней. От безопасности до нежелательных вопросов на таможне. И вот тут и начинают работать рыночные законы, которым откровенно плевать на любые попытки на них повлиять.

По рыночным законам любой спрос рождает предложение. Если официальные участники финансового рынка не

оказывает некие финансовые услуги, на рынок непременно придут те, кто такие услуги окажет. Так было в США с рынком алкоголя во времена «сухого закона», когда места легальных поставщиков и баров заняли бутлегеры и «speakeasy». Спорить с рыночными законами ровно так же глупо, как спорить с их физическими собратьями.

Что будет, если некие, не важно, государственные или коммерческие структуры, объявят, что расчетно-кассовое обслуживание на территории какой-то конкретной страны отныне запрещено? Вернее, не тотально запрещено, а просто очень осложнено. Не невозможно, просто очень трудно, долго и дорого. Что будет, если кто-то попробует повлиять на рыночные законы? Все равно, что объявить, что отныне, в отдельно взятой стране, ускорение свободного падения будет не 9,8 м/с^2, а, например 8, или 11. Или число «Пи», математическая константа отношения длины окружности к ее диаметру, везде 3,14, а вот здесь она будет 5! Стандартные величины «g» и «Пи» остаются для всех стран, кроме вот этой вот…

Когда пять лет назад, в 2014, Россия вернула себе полуостров Крым, многие западные страны решили, что они могут изменить рыночные законы. Против России начали вводить санкции. Почему-то многие, очень мудрые люди, стали искренне верить, что по их желанию константы на одной девятой части Земли могут стать такими, как хочется им.

Это решение было радостно встречено очень большой частью работников банковского сектора. Эти работники, так же как и большинство высокопоставленных банкиров, предпочитают спортивные машины, дорогие яхты и частные самолеты. Разница лишь в повседневной одежде.

Та часть банкиров, которые огорчились введению санкций, носит на работе очень дорогие костюмы, ботинки, галстуки. Еще у них, вернее у их помощников, есть визитки с логотипом, под которым вероятно выдавлены слова «since 18XX», работаем с тысяча восемьсот какого-то года. Эти, огорчившиеся банкиры, работают в официальном, видимом банковском секторе.

Та часть банкиров, которые обрадовались осложнениям межбанковской работы с РФ, отличается от своих коллег только галстуками. Они их не носят. Потому что в теневом секторе галстук не приветствуется. В той системе координат, в которой работают эти банкиры, в случае, если по дороге из страны А в страну Б потеряется чемоданчик с деньгами, вопросом станут заниматься не высокооплачиваемые юристы, полицейские, специалисты ЦБ или ФРС. В случае какой-то проблемы в этом секторе экономики в дело вступают крепкие, не очень мудрые, но зато и не отягощенные моралью и состраданием люди. Умение хорошо стрелять, работать ножом, паяльником и электро-шокером так же значится в из резюме в качестве сильных сторон.

Эти люди не отправляют отчетов в контролирующие ор-

ганы и не выдают вам, в обмен на ваш чемоданчик с миллионом, каких-то бумажек с печатями. Они просто берут ваш чемодан, делают один звонок, и где-то за океаном, в другом часовом и климатическом поясе, человек говорит «хорошо», нажимает на кнопку отбоя и выдает такой же чемодан получателю.

Сэр Александр любил Россию. Это была не восторженная влюбленность молодой пары в цветочно-конфетном периоде. И даже не любовь молодоженов в медовом месяце. Это была зрелая любовь взрослых партнеров, основанная на знании, понимании и уважении. Англичанин знал русскую культуру, знакомство началось почти сорок лет назад с Чайковского, Прокофьева, Шостаковича и Хачатуряна. Их произведения заложили в нем любовь к музыке еще в том возрасте, когда сэр Александр даже не мог выговорить свое имя.

Наследник нескольких поколений английской аристократии находил много схожего между философией Великобритании и России. Он рассматривал наши народы как кузенов, воспитанных на одинаковых семейных ценностях. Две империи, две страны с сильными самодержавными традициями и верой во власть короны. Да, пути развития кузенов разошлись столетие назад, но родство никуда не делось.

Именно этим сэр Александр объяснял и ту странность в отношениях двух стран, которая регулярно проявлялась в недружественных действиях. Не зря говорят, что от любви

до ненависти лишь один шаг и никто не будет ненавидеть так, как прошлый друг. Поэтому то, что Великобритания стояла у истоков антироссийских санкций, было неприятно, но вполне предсказуемо.

Сэр Александр страдал от антироссийских санкций не только эмоционально, понимая всю их надуманность и бесполезность, главное, от них страдал его семейный бизнес. На сегодняшней встрече ему предстояло договориться об условиях, на которых его чемоданчики с деньгами будут попадать из западных стран в санкционную Москву. Дивиденды от добывающей промышленности России получали, а главное ожидали, все. Оттого они и были, хоть и стабильны, но чрезвычайно малы. А вот инвестиции в реальный сектор российской экономики могли себе позволить только люди, реально понимающие страну. Сэр Александр был одним из таких людей. И он верил, что Россия отблагодарит его за доверие пусть и не быстрым, но высоким процентом возврата на каждый вложенный фунт, доллар или йену. Тем или иным способом семья сэра Александра участвовала во многих российских компаниях, поэтому чемоданчиков планировалось много и двигаться они должны в самых разных направлениях…

Зал ресторана был заполнен на треть. Время завтраков для тех, кто приехал в Дубай по работе, уже давно окончилось, а завтраки богатых бездельников еще даже не начали

готовить. Тем не менее, столик был забронирован заранее на имя Патель Сингх. Метрдотель проводил англичанина в глубину зала, подальше от оконных витрин, к которым норовило присесть большинство посетителей. Сэр Александр сел за небольшой квадратный столик и взглянул на часы. 09:09. Мужчина решил, что если через минуту вторая сторона встречи не появится, он перейдет в бар. Ресторан «Атмосфера» никогда не нравился сэру Александру, несмотря на звездного шефа. Вероятно, и это тоже из-за русских, подумал он. Впервые в этом ресторане он побывал именно с русским товарищем, они встретились, разумеется, не на открытии заведения, но одними из первых, как только папарацци потеряли к новому заведению интерес. И тогда русский товарищ очень едко, но при этом аргументированно, доказывал, что суп, даже вегетарианский, подаваться в рюмках не может.

От воспоминаний о первом посещении этого заведения мысли англичанина логично перекинулись на Максима Романова. Русский, в какой-то степени ресторатор. С этим человеком сэр Александр познакомился лишь три месяца назад, но он сумел заинтриговать англичанина своими очень простыми и предельно логичными рассуждениями. Максим Романов обладал не то, чтобы какими-то энциклопедическими знаниями, вовсе нет. Он получил стандартное для России образование, в котором, в отличие от западного, было больше общих, нежели профильных дисциплин. Но безупречный

логический аппарат Романова позволял ему находить ответ на, возможно, любой вопрос. Вот оно, англичанин даже взялся за свой выступающий подбородок, он поймал мысль. Вот оно, то, что так привлекло пэра Англии в Максиме. Романов не знал ответ на любой вопрос. Он мог найти этот ответ.

Размышления англичанина прервал подошедший мужчина. Не произнося ни слова, он лишь чуть склонил голову, как бы в ожидании разрешения присесть. Индус, или пакистанец, они никогда не выясняли таких подробностей, очень худой, вероятно слой подкожного жира у него был не толще слоя масла на бутерброде скупердяя. Подбородок, скулы, брови и нос человека были какими-то острыми, угловатыми. Даже уши торчали, словно хищные ножи блендера. Рисование его портрета можно было скорее поручить инженеру-чертежнику с готовальней и набором линеек, нежели художнику с кистями и палитрой. Отличный костюм скрадывал болезненную худобу, но кисти рук, скулы и шея выдавали наличие заболевания. В то, что его бизнес партнер, получающий такие проценты от сделок, недоедает, верилось с трудом.

Это была не первая встреча. За плечами у них уже были три раунда очных переговоров и дюжина чемоданчиков почти на миллиард долларов. Но еще ни разу сэр Александр не пользовался их услугами для работы с Россией.

Переговоры окончились достаточно скоро. Им не требовались калькуляторы, бумага или какие-то статистические

данные. Это все остается на уровне исполнителей. На встрече решался один принципиальный вопрос, «да» или «нет». Двое мужчин, так и не пожавших друг другу руки и не обменявшиеся ни приветствием, ни прощанием, просидели за столом около двадцати минут. Пакистанец (или индус), съел одно яйцо «бенедикт» и выпил чашку чая. Англичанин, отламывая по мизерному кусочку и раскатывая шарик в тонких пальцах, съел четверть цельно-зерновой булочки. Поговорили о погоде и сошлись на том, что оба предпочитают в это время года Италию. Так была заключена очередная сделка.

Выйдя из ресторана сэр Александр уже было направился к лифтам, но неожиданно передумал. Соленая булочка оставила во рту флер сухости и он решил выпить. Пройдя несколько шагов, англичанин толкнул дверь бара и через три секунды уже был у высокой стойки. Вся зеркальная стена за спиной бармена была уставлена бутылками Moet.

– Джин тоник, джин самый сухой и совсем чуточку.

И вот тут то сэра Александра и ждал тот сюрприз, который мог бы и не быть сюрпризом, если бы он вовремя читал адресованные ему письма.

Глава 2

Транспортные средства компании учитываются в балансе, во внеоборотных активах, вместе со всеми основными средствами предприятия. Скучно, верно? А вот меня, как я изначально считал, именно приобретение транспортного средства привело к таким последствиям, что даже самая смелая фантазия не смогла бы насочинять.

Каждый из вас наверняка покупал машину. Вероятно, даже не однажды. Согласитесь, это приятный процесс. Приятный и не очень сложный. Сначала в вас рождается потребность. Если это первая машина, то вы, сидя в трамвае, маршрутке или такси, представляете, как вы бы могли ездить сами. Смотрите в окно на проезжающие автомобили и представляете себя за рулем. Ваш мозг подкидывает вам объективные причины, зачем вам нужна собственная машина, ваш внутренний скупердяй дает вам денежный расклад, как можно экономить с помощью своего транспортного средства, а может даже и зарабатывать. Ваша фантазия, прям-таки, кричит вам о возможном повышении вашего социального статуса. Может даже при этих мыслях у вас в голове формируется четкая картинка, как в вашу машину садится вполне конкретная однокурсница, или коллега…

Покупка машины это не сложный процесс. Каталоги, об-

зоры, посещение пары-тройки автосалонов и тест драйв. Затем, в зависимости от региона, пара часов или, в худшем случае, день в ГИБДД и страховых, и вот уже у вас на руках заветный ПТС и ключи с брелоком сигнализации.

С самолетом все намного хуже. Если вы покупали себе самолет – вы меня понимаете. Если вы еще не думали над таким приобретением – мой вам совет, не ввязывайтесь в это!

Я люблю аэропорты. В каждом из них есть только ему, этому конкретному воздушному хабу, присущая харизма, атмосфера, дух. Я люблю работать в бизнес залах аэропортов, когда вокруг постоянно сменяются соседи, в динамиках женско-металлический голос объявляет о посадке или призывает опоздавших пассажиров поторопиться. И я даже согласен с тем, что не все города связаны авиасообщением. Недавно я возвращался из Штатов, с фестиваля «Бернинг Мен». Мне пришлось сделать три пересадки. Сначала из Рино я летел в Сан Франциско, оттуда в Москву, уже оттуда в Краснодар. Это нормально.

Другое дело внутри страны. Империи римлян и инков выросли среди своих соседей за счет мощеных каменных дорог. В Китае сеть высокоскоростных дорог имеет протяженность более ста шестидесяти тысяч километров, это в два раза больше, чем система хайвеев США и в десять раз больше протяженности автобанов в Германии. А еще, это более чем в тридцать раз превышает протяженность скоростных дорог в России.

Чтобы мне из Краснодара попасть в Астрахань или Махачкалу, а это каких-то 850 километров, мне нужно провести 12 часов в машине. Поэтому я предпочитаю летать.

Но полет внутри России – это обязательная пересадка в Москве. У нас просто нет прямых авиа рейсов даже между столицами регионов. А любой стыковочный рейс – это минимум плюс четыре-пять часов. Дальше, все как и в случае с размышлениями о собственной машине человека, который едет в трамвае. В голову приходят мысли о некой экономии: «а вот если бы у меня было свое транспортное средство, как я бы экономил и даже зарабатывал…»

Давайте считать. За один год я становлюсь богаче в среднем на сто пятьдесят миллионов долларов (не берем мой лучший, 2018, когда я заработал колоссальные деньги на чемпионате мира). Значит в день я зарабатываю грубо четыреста десять тысяч. Значит мой час стоит примерно семнадцать тысяч долларов. Значит потеря времени на стыковку в Москве стоит мне чуть меньше ста тысяч. А таких стыковочных полетов у меня в год минимум дюжина… А есть еще полеты «малого совета»… Разумеется, говоря про заработок я не имею в виду деньги на моем счету, это стоимость моей компании. Ну так и самолет будет приобретаться не Романовым М. А., а ГК «Максим».

Согласен, кривая логика и так считать нельзя, но именно такие выводы подкидывает мне мой мозг. А все потому, что Хачатур Казарян, мой финансовый директор, вот уже кото-

рый месяц забрасывает меня какими-то «супер выгодными» предложениями.

– Ты, Максим Александрович, пойми. Вот прилетаешь ты в Казахстан, по текстилю договариваться. Тебя партнеры где встречают? Верно, у трапа. Или везешь ты гостя из Краснодара в Сочи, ты что, на машине летом двенадцать часов в пробке будешь стоять? Или «Ласточкой», в общем вагоне?

Я слушаю его в пол уха. Эти обеденные разговоры, когда малый совет собирается в «рубке», под стеклянным куполом нашего офисного здания, для совместного обеда, давно стали аналогом каких-то летучек. Мы, все руководители группы компаний «Максим», отчаянно любим свое дело и кайфуем от работы, поэтому разговоры о деле за обедом – уместны. До определенной степени.

– Хачатур, я уволю нашего шефа. Ну в самом деле, зачем нам такой дорогой шеф повар в офисе, если мы не его шедеврами наслаждаемся, а о каких-то делах все время разговариваем. – Я демонстративно, глядя в глаза моего финансиста, накалываю стручок спаржи и звонко откусываю.

– Если вы заботитесь о своём пищеварении – мой добрый совет: не говорите за обедом о большевизме и о медицине. – Валера, мой ассистент, с улыбкой смотрит на нас.

А ведь растет парень, уже и классику цитирует, и в разговор начинает вступать. Еще полгода назад он все больше молчал и слушал.

– Тьфу на вас, дикари. Так и будете на перекладных всю

жизнь добираться. А у меня тут несколько вариантов таких интересных, без лизинга, мы сразу бы на баланс самолет получили, я как раз его как основные средства бы провел. И ценники всего в районе десятки. Ну плюс-минус.

– Дяденька, дай десять копеек, а, – уже откровенно хохочет Валера.

– Может тебе еще ключи от квартиры, где деньги лежат? – Мне тоже смешно, и я рад, что мой ассистент так подрастил свою самооценку, хотя тут стоит и внимание обратить, все же он не входит в совет, пока он вставляет фразы вовремя, понимает, когда можно а когда нет, но все же нужно это отслеживать. – Хачатур, а сколько стоит топливо, ТО, страховка, экипаж, ангар? Ну не начинай ты опять, твоя десятка в итоге выльется в двенадцать в первый год и по паре миллионов в каждый следующий. Мы на пятерку в год прирастем после покупки? – Я тянусь к бутылке и доливаю себе вина. Во время обеда мы сами следим за своими напитками. – Если ты мне покажешь, что самолет даст нам возврат инвестиций хотя бы два-три…

– Максим Александрович, я тебе как специалист много раз говорил, самолет – самый безопасный вид транспорта. – Руслан Дзантиев, мой безопасник, откручивает пробку зеленой бутылки «Боржоми» и наливает в стакан минералку. – Я опять поддержу Хачатура, мы можем себе позволить самолет, а по моему ведомству – мы давно обязаны на самолет пересесть. Ты к своему возврату на вложения безопасность

добавь.

– Хорошо, Рус, давай про безопасность. На сколько мы бюджет твоего департамента срезаем после покупки самолета?

– Мы его не срезаем, вероятнее мы его даже повысим, – вместо Руслана отвечает Хачатур.

– Я прям физически чувствую, как вы меня дурите! – Я делаю глоток вина. – Мессиры, вы мне предлагаете увеличить расходы и взамен получить какую-то мифическую повышенную безопасность?

– Максим Александрович, – Дзантиев устало и совершенно бескультурно тычет в меня ножом, с которого стекает капля соуса, – тебе напомнить, сколькими седыми волосами я тебе обязан? До весны полгода, а там и твой день рождения…

Подловил. Весна, апрель-май, действительно почему-то в моей жизни не самые спокойные месяцы. Всевышний не дает мне скучать и обильно одаривает приключениями как раз в районе моего дня рождения. Уже несколько лет подряд.

– Хорошо, давайте эмоции по боку, калькулятор на стол и считаем. Хачатур, если ты мне покажешь окупаемость хотя бы за три года – будь по вашему, купим самолет.

– Пять лет. Выход на точку ноль в лучшем случае через пять лет. И это только по самому борту, без ежегодных эксплуатационных расходов. В целом, экономически, приобретение не окупится никогда.

– Мог бы и соврать. – Я снова поднимаю бокал. – Ладно, пришлите мне варианты, посмотрю.

– А чего слать та? У меня все готово, я тебе ссылку на хранилище дам, заходи, смотри, там и ценники, и ТТХ, и даже фотографии есть. И не только по самим бортам, кстати сейчас там три варианта, но и по тех провайдерам и даже по лизингу пилотов.

– Ладно, сегодня до девяти вечера отвечу. Только никакого лизинга персонала. Я в такси летать не намерен, пилоты только на прямом контракте, чтобы они деньги только от нас получали и только перед нами отвечали. Как только определимся с моделью самолета – найдите мне пять пар пилотов, слетанные уже или у нас познакомятся – не важно, на совместимость их в любом случае проверите. Когда вы эти пять пар из всех претендентов отберете – я хочу с каждыми поужинать. Пять вечеров, пять пар. И один общий ужин, чтобы все присутствовали.

– Ты их тупыми шутками и алкоголем будешь проверять? – Смеется Хачатур. – Станешь смотреть как они на тебя как на шефа будут реагировать?

– И это тоже. Мне с ними летать придется, я хочу знать заранее, что они за люди, мне бесстрашные ястребы не нужны, но и тихих курочек мне в кабине не нужно.

– Кстати по поводу курочек и петушков…

– Никаких женщин, я не собираюсь в своем самолете вести себя как джентльмен, а по поводу петушков, кхxм, если

через год службы мой кэп сообщит, что влюбился в мужика, ну что, поздравлю, микроволновку на помолвку подарю, отпуск дам и вероятно через неделю об этом уже забуду. Но если он на собеседовании сразу свою, кхxм, позицию выложит, то нет, найдите приемлемый повод такому отказать, мне со старта такой не нужен.

Руслан и Хачатур ушли, оставив меня и Валеру. Я заказал вторую чашку кофе, а Золотухин ковырял уже второй кусок персикового пирога. После хорошего такого стейка с двойным фри и миски салата оливье плюс апельсиновый фреш. Я окинул взглядом его спортивную фигуру. Как он умудряется при таком питании оставаться в такой форме? Не иначе, за его метаболизм отвечает атомный реактор.

– Шеф, ты ведь давно уже сам решил все про самолет, ты ведь сам его хочешь купить, – Валера смотрит на меня, а вилкой задумчиво гоняет по тарелочке оранжевый ломтик персика, – зачем же ты Хачатура так долго напрягал и не давал ответ?

– Поясни, как понял? – Я радостно улыбаюсь. Растет парень, учится…

– Ты время на размышления не взял. Я же твое расписание знаю. Чтобы до двадцати одного ответить ты на материалы максимум пол часа, минут сорок сможешь выделить. А еще по пилотам. Судя по ответу ты уже согласился с их наймом…

– Отлично, а может ты понимаешь, и почему я согласен самолет купить?

– Экономия времени?

– Плоско, думай глубже. Я умею работать и в аэропортах, ты сам видел. И вопросы престижа, комфорта тоже не рассматривай. Они есть, но главный вопрос всегда в деньгах.

– Мы можем себе это позволить?

Я снова радостно отмечаю это «мы» в речи сотрудников. Это здорово, когда люди ассоциируют себя с работой.

– Верно, можем. Есть такое понятие, «кривая опыта». Это разработка Бостон Консалтинг, которая находит взаимосвязь между количеством произведенной продукции и временем, в течении которого компания занимается производством. Грубо, с каждой пятилеткой производства одного и того же продукта, его себестоимость для компании-производителя снижается на десять процентов. «Максим» кормит людей уже почти двадцать лет, только на снижении себестоимости мы получаем ежегодно около десяти миллионов долларов. Я согласен потратить их на самолет.

Валера задумался на секунду и выдал фразу, которая меня прям порадовала.

– Максим Александрович, ты предлагал мне MBA оплатить?

– Оплачу, если ответишь на вопрос. Хачатур с Русланом, так же как и ты, понимают, что я готов к покупке. Потому они сейчас, прям уверен, варианты самолетов, выложенные

на серваке, проверяют. Казарян сказал три варианта? Скажи, какой вариант он сам лоббировать станет?

– Ну это просто. Он выложит один какой-нибудь дешевый, может сильно бэушный борт, и один какой-нибудь очень хороший, но с дорогим люксовым наполнением, вроде красного дерева или золота в оформлении. Ты, понятно средний выберешь.

– Молодец. Обучение тебе компания оплатит. Садись, два. – И глядя в растерянное лицо помощника продолжаю. – В координатах прямой логики ты был бы прав, но это для фин директора «Максима» было бы слишком просто. Так директор магазина рассуждает, когда полку заполняет, поменьше дешмана и экстра дорогого товара и побольше среднего ценового сегмента. Это же известная фишка, ею еще риелторы любят пользоваться. Хочешь поскорее продать квартиру – вези клиента в убитую дешевую хрущевку, с соседями алкашами и рюмочной под окнами, потом отвези в нормальную, но с неадекватным хозяином, задравшим ценник выше рынка, ну а потом уже смело показывай ту жилплощадь со средней ценой, которую тебе нужно продать. – Смотрю на часы, у меня есть еще пять минут, можно пословоблудить. – Вот только Хачатур слишком умен для прямой логики, поэтому он ставит на первый, самый не дорогой вариант.

Я оказался прав, самым лучшим вариантом оказался самый не дорогой, всего девять с половиной миллионов дол-

ларов, бразильский Embraer Legacy 500, два пилота (это тоже плюс, я как-то опасаюсь самолетов с одним кэпом), восьмиместный, восемьсот пятьдесят километров в час и почти шесть тысяч километров дальность. Но главное, что этот борт и еще один из короткого списка финалистов, сейчас находился в Англии. Приобретать самолет за почти десять миллионов и не взглянуть на него вживую? Нет, не согласен.

Вот так, в первых числах октября, я принял решение лететь в Англию.

Если бы я знал, началом какой истории это все станет, я бы пожалуй отказался бы от приобретения самолета и продолжил бы пользоваться коммерческими рейсами. Хотя вру. Знай я все заранее – я бы еще быстрее собирал бы свой чемодан…

Глава 3

Сэр Александр никогда не был гурманом. Он любил изысканную еду, но вполне мог обойтись пресловутой овсянкой, кашей всего из двух ингредиентов, овса среднего помола и воды. Именно так, даже без грамма соли.

Но это совершенно не означало, что он не был знаком с шедеврами лучших мировых шефов, от классических до самых модных. И гастрономические тенденции последнего времени его совершенно не радовали. Ну скажите, откуда пошла эта мода, солить любое блюдо до критической черты, когда еще буквально крупинка – и все, блюдо пересолено. Вот и сегодняшняя булочка, вкусный, замечательный хлеб, но уже через мгновение во рту появляется это ощущение соли. Сэр Александр улыбнулся, вспомнив как охотясь на зайцев в своем поместье делал приманки из соли. Неужели современные шефы смотрят на посетителей ресторанов, как на дичь? Забавная мысль, стоит поговорить об этом с новым знакомым, Романовым. Странно, второй раз за утро он вспомнил об этом русском.

– Джин тоник, джин самый сухой и совсем чуточку.

– Ваш друг уже сделал заказ, два джина, сею секунду сайеди, располагайтесь, сейчас принесу. – Темнокожий бармен почтительно поклонился и взял в руки голубую бутылку «Bombay Sapphire».

В баре было пусто. Лишь один столик, возле западного окна, был занят пожилым джентльменом.

Темно коричневый загар и частая сетка морщин у глаз говорили о том, что мужчина очень давно живет в солнечных странах. Но, все же, это наверняка был англичанин. Никто, кроме истинного джентльмена, не станет в таком климате носить костюм тройку. И взгляд. Такой взгляд, словно определяющую пол хромосому, передают английские лорды своим детям. Это тот взгляд, которым до сих пор смотрят английские аристократы на все, что их окружает в бывших колониях, то есть везде, за пределами туманного острова.

А еще поведение. Сэр Александр встретился глазами с незнакомцем. Представитель любой национальности тут же подал бы ему сигнал. Славянин, вероятно, вскочил и выкрикнул бы что-то приветственное, американец взмахнул бы рукой, приглашая присоединиться, европеец, разумеется кроме итальянцев, как минимум бы кивнул. Англичанин смотрел на Александра бесстрастно, как мог бы смотреть на изящную, но не шедевральную статую в каком-нибудь провинциальном музее.

– Мы знакомы?

– Я представился в письме…

– Так это было ваше послание? Не судите строго, не было возможности ознакомиться.

Александр отодвинул тяжелый стул и присел к низкому

столу. Раз уж соотечественник сумел предугадать не только его появление в баре, но даже напиток… Стоит дать ему шанс, нужно уважать возраст и ум.

– Мы знакомы лишь отчасти. Я знаю вас, но не был вам представлен. Меня зовут сэр Реджинальд, барон Альхерст, когда-то я знал вашего дядю, сэра Бассета.

– Он служил…

– Именно, я тоже служу…

Тем временем бармен поставил перед ними два высоких тонких бокала. Слава Богу, ни коктейльных соломинок, ни льда или лимона. Очевидно, бармен был опытен и умел на взгляд определить национальность. Ну а иначе и быть не могло, в этом ремесле без отлично развитой интуиции придется жить на мизерную зарплату. Словно в подтверждение этих мыслей сэра Александра, бармен поставил на столик менажницу с фаршированными оливками и арахисом и низкий бокал рокс с огуречными палочками.

Сэр Реджинальд сделал первый глоток и счастливо улыбнулся.

– Не взыщите, но пропорции бою я указал сам, если не понравится – не сердитесь на него, он лишь очень верно выполнил заказ.

Сэр Александр сделал глоток. Его намерения чуть освежиться тоником с привкусом джина были нарушены, похоже, равной пропорцией сорока семи градусного напитка с содовой. И вновь на ум пришла Россия, с ее варварскими во-

дочными традициями. Это уже по меньшей мере странно, почему все утро в Дубае он вспоминает далекую холодную страну?

– Вы не находите странным, что исконно английский напиток, джин, назвали «Сапфир Бомбея»?

Сэр Александр поморщился. Разумеется внутренне, ни один мускул не дрогнул на лице. Неужели для его соотечественников так важно начинать беседу с ничего не значащих слов? Вероятно, сейчас будет переход с голубого джина на водоемы за окном, оттуда будет перекинут мостик к местному климату, затем вернемся к архитектуре и таким образом завершим этот квалификационный заезд.

– Что до названия, вас ведь не смущает Кохинур… Да и вообще, странно, что вы называете джин «исконно» английским напитком.

– Вы про этого доброго парня, Вильгельма Оранского и его «Славную революцию»? – Сэр Реджинальд нисколько не обиделся на столь не вежливое замечание, напротив, он даже во второй раз улыбнулся. – Да, у истории отменное чутье. Если бы не голландский король, так бы наш народ и остался бы с пивом, да и мы бы с вами кроме виски в патриотическом порыве ничего бы не поднимали. – Рука взлетает в невысоком салюте. – Боже, храни королеву!

– За кровавые сражения и смертельные болезни. – Сэр Александр отвечает салютом.

– Ну что вы, что вы, в той, кхxм, структуре, которую я

представляю, есть и иные способы продвижения по карьерной лестнице. Хотя вы правы, раз уж мы пьем «Сапфир Бомбея» с хининовым тоником, упоминаем Кохинур и вообще, кхм, находимся в жарком, хоть и сухом климате, то ваш тост вполне уместен. Ну так и перейдем тогда к делу.

Они засиделись. В это время в бар никто не заглядывал, поэтому двум джентльменам никто не мешал. За почти часовую беседу, хотя назвать этот спич сэра Реджинальда, с редкими вкраплениями слов сэра Александра, беседой было бы не верно. Скорее, это был рассказ более опытного джентльмена своему молодому товарищу:

– Группа «Гринго» появилась на горизонтах нашей службы уже лет двадцать назад, в нулевых. Информацию о них мы получили по каналам обмена со штатовскими ЦРУ и АНБ. До десятого года у нас даже отдельного сотрудника на эту шайку не было назначено, это была лишь одна из многих, очень многих организаций, имеющих экстремистские взгляды, но не более того. Пристально следить за каждой пивной, где поднимают тосты за свержение якобы не народного правительства – так мы очень скоро налогоплательщиков разорим. Но в две тысячи десятом к власти в «Гринго» пришел новый лидер. Очень мудрый и энергичный. – Сэр Реджинальд хрустнул ломтиком огурца. – Вы, кстати, знаете этимологию слова «гринго»? – Увидев отрицательный жест собеседника он продолжил. – Во времена американо-мексикан-

ской войны в середине девятнадцатого века, армия США носила зеленые мундиры. Вот мексиканцы и говорили, «green go», то есть «убирайтесь зеленые». Но, к сожалению, это не единственный возможный смысл…

– Вперед зеленый? – Догадался сэр Александр.

Прежде, чем ответить, старик сделал долгий глоток из уже наполовину опустевшего бокала.

– Все верно, вы очень быстро улавливаете нюансы, ваш дядя не зря вас рекомендовал в свое время. – Еще один глоток. – О том, кто выступает под зеленым знаменем вам нужно рассказать?

– Я знаю, что вы думаете, что я знаю. – Сэр Александр так же делает большой глоток тонизирующего напитка. – Но так же я знаю, что «зеленое знамя» ислама это скорее бренд, на самом деле первые знамена были черно-белыми, да и вообще, к исламу в равной степени можно отнести черный, белый, красный и зеленый цвета. Вот хоть бы флаг наших нынешних гостеприимных хозяев, эмиратов… Итак, примерно десять лет назад ваши подопечные из «Гринго» назначили нового генерального менеджера и провели ребрендинг, став, вероятно, ультра исламистами? И к чему эти знания мне?

– Видите ли, сэр Александр. Сейчас на дворе две тысячи девятнадцатый, то есть, с момента назначения нового, как вы его назвали, «генерального менеджера» прошло уже почти девять лет. Но мы до сих пор не знаем его имени. Причем, не только мы, мидовцы в МИб, но и наши коллеги в службе

безопасности МИ5 МВД, и военная разведка. И сразу отвечу на не заданный вопрос, наши коллеги из АНБ минобра США и из ЦРУ так же не имеют ответа на этот вопрос.

– Это чрезвычайно любопытно, и я искренне признателен своему дядюшке за рекомендации меня в качестве благодарного слушателя, вот только, сэр Реджинальд, два вопроса: зачем вам знать имя руководителя «Гринго» и, главный вопрос, зачем вы все это мне рассказываете?

Сэр Реджинальд знаком руки показал темнокожему бармену, что нужно обновить напитки, в тишине дождался появления двух новых хайболов с коктейлем и лишь после этого продолжил.

– Я позволю себе начать ответ издалека, – он усмехнулся, – вы ведь уже поняли, что я, как любой старик, люблю поговорить…

– Да, по новой порции выпивки я догадался, что ответ не будет коротким.

– И вновь восхищаюсь вашей прозорливостью, – улыбка, глоток и вот уже лицо старого джентльмена вновь абсолютно бесстрастно, – но вернемся к серьезным темам. Как вы поняли, организация «Гринго» имеет исламские корни, а из того, что я не назвал вам страну происхождения – вы, вероятно, уже сделали выводы о том, что это международная группа. Все именно так, родились они в Калифорнии, но дальше они не стали жить по месту регистрации, а напротив, стали регулярно менять страны. Нам кажется, что в настоящее время

они, штаб-квартира «Гринго», базируется где-то в Африке, или вот прям здесь, на Аравийском полуострове. То есть на территории «Дар-уль-Исхам». Вы знакомы с этим понятием?

– Ни в малейшей степени.

– Ну что ж. – Еще один долгий глоток. – С точки зрения «Гринго» весь мир делится на три области. Первая, «Дар-уль-Исхам» – это мусульманские земли, где проживают и правят правоверные. Это так называемые «правильные» земли. Вторая категория, «Дар-уль-Харб». Это страны, в которых мусульмане живут под властью неверных, «кяфиров» или «гяуров». Разумеется, с точки зрения «Гринго» это – «неправильные» земли. Третья область, «Дар-уль-Сульф» – это страны, в которой живут и правят неверные. – Снова глоток и ловко подцепленная деревянной шпажкой зеленая оливка с розовой рыбой внутри отправляется в рот. – И вот тут два очень важных момента, которые, по сути, и являются ответом на ваш первый вопрос, а какое нам собственно дело до этого «Гринго». Во-первых, на территории, где живут правоверные, но управление принадлежит кяфирам, не действуют никакие нормы или законы. По сути, это территории законного беззакония, на них можно делать абсолютно, повторяю, абсолютно все, что угодно. А теперь в цифрах. Во Франции, например, доля мусульман составляет примерно десять процентов. У нас, в Великобритании, чуть ниже, порядка шести. Но если смотреть в динамике… За пятьдесят лет только у нас их количество выросло с пятидесяти тысяч

до трех с половиной миллионов. – Сэр Реджинальд сделал очередной глоток и откинулся в кресле, будто и не собирался продолжать.

– А каков второй важный момент?

– О, это самое интересное. По нашей информации, «Гринго» рассматривает третью категорию земель, «Дар-уль-Сульф», как территории временно, – он подчеркнул это слово интонацией, – временно занятые неправоверными.

Несколько минут они сидели в молчании.

– Вы так и не ответили, зачем вам имя руководителя «Гринго»?

– Ну, тут все просто. Экстремистская организация «Гринго» ставит своей целью организацию на территории современной Европы и Африки мусульманского халифата, а этот самый, неизвестный нам пока руководитель, предполагается единственным претендентом на роль императора, вернее халифа.

– Ого, однако парни не мелочатся. Но ведь это все просто дичайший бред. Что с того, что какая-то организация, даже экстремистского толка, стремится к мировому господству? Ну серьезно…

– Когда-то так же говорили и про нацистскую партию, и про «талибан»…

– Хорошо. Но остается второй вопрос. Зачем вы все это мне рассказываете?

– Сэр Александр. По нашим данным, «Гринго» активно

ищет себе партнеров в России. Эта страна обладает неиссякаемыми ресурсами и приложиться к ним – заветная мечта любой организации. Вы – известный, – старик прищурил левый глаз, словно смотрел в прицел, – известный в узких кругах специалист по России, об этом и ваша встреча в соседнем зале кстати говорит. Да не смущайтесь, сэр Александр. Неужели вы хотели бы жить в стране, спецслужбы которой не могут получить любую информацию о любом человеке? Ну, почти о любом… Так вот, сэр Александр, по нашим предположениям, в ближайшее время «Гринго» начнет искать людей в России. Это наверняка будут не мусульмане, напротив, вероятно это будут этнические русские. Учитывая, что вы только что встречались с господином Сингхом, одним из немногих, известных нам реальных управленцев «Гринго»…

– Я, кхxм, «работаю» с этим человеком уже не первый год. – Сэр Александр намеренно якобы признался в связях с финансовыми мошенниками, это полезно в переговорах, он показывает противной стороне, что полностью согласен с их главенством, да и прав сэр Реджинальд, спец службам, при желании, этот факт стал наверняка известен достаточно давно. – Да, не первый год. И на мой взгляд, Патель Сингх не может быть руководителем глобальной организации, он человек-функция, дорогая, высококвалифицированная, очень мудрая, но функция.

– Все верно. По нашим данным, он занимает не самое вы-

сокое положение. Уже уровень директора, но еще даже не вице президента. Примерно, как температура тридцать семь и шесть по Цельсию у больного. Явно не здоров, но и в неотложку звонить не с чем. Для нас такой объект максимально интересен. У него еще и перспективы в организации не вполне четкие, а главное, не гарантированные. Поэтому он их потерять не побоится. Нет еще в нем и стойкости, воли высших руководителей. Но при этом у него уже есть очень много контактов и информации. Он главного имени не знает, но он знает того, кто знает того, кто скорее всего знает… И он вам доверяет. Вернее, не доверяет, но как хороший пес, уже раз впустивший вас в свой двор, не станет на ваш запах лаять. Но главное даже не в этом. Как и вы, ловко признав свою работу с ним, показали мне только что свое доверие, так и я вам скажу откровенно, других вариантов выйти на руководство «Гринго» за несколько лет работы мы так и не нашли.

Старик вновь поднимает стакан и смотрит сквозь оставшийся напиток на солнце за окном. После почти минутной паузы, сэр Александр не торопит, старый джентльмен все же продолжает:

– Сэр Александр, нам нужен русский, не связанный с их, – он глазами выделяет это слово, – не связанный с российскими спец службами, и уж тем более никак не связанный с нами. Никаких наших школ и колледжей не то, что у него самого, но даже у его детей или племянников. Мода на англий-

ское образование, конечно, помогает нам в пополнении рядов наших друзей, – он снова выделяет слово приподнимая брови, – но это не тот случай. Нам нужен русский, которого мы сможем познакомить с Пателем Сингхом и внедрить в «Гринго». Этот русский станет амбассадором «Гринго» в России, этот человек выведет нас на руководство «Гринго», этот человек будет нашим троянским конем, с его помощью мы уничтожим организацию. – Сэр Реджинальд продолжает тихим, и каким-то торжественным голосом. – Сэр Александр, от имени Ее Величества, я прошу вас найти такого русского.

Глава 4

Итак, решение принято, никаких больше задержек рейсов, пьяных попутчиков, овербукинга или «простите, шампанское только сладкое».

Площадь России меньше двадцати тысяч квадратных километров. Имея самолет с дальностью полета пять с половиной тысяч километров (меньше, чем прописано в ТТХ, но я никогда не верил инструкциям), вы получаете в свое распоряжение круг площадью почти девяносто пять тысяч квадратных километров. Я представил карту мира. На своем самолету я могу попасть из Краснодара в любую точку на поверхности в почти сто тысяч квадратных километров. Забавно, я могу попасть в Кению или Гренландию, а вот до Владивостока мне одного бака не хватит…

Я сижу в широком аэрофлотовском кресле. На столике сервирован обед. Меня всегда забавляла эта сервировка. В стандартный куверт бизнеса входят несколько ложек, ножей и вилок. Металлических. Уж не знаю, что за металл, возможно он обладает какими-то волшебными свойствами и в руках террориста, как второй терминатор, превращается в жидкость? Иначе объяснить логику отбирания у пассажиров из ручной клади пилок для ногтей я не могу. Или предполагается, что раз сумел найти деньги на бизнес класс, то в жизни у тебя все замечательно и менять ты ничего не собираешься?

Ведь любой террорист хочет что-то изменить. Или это имущественный ценз, как в избирательном праве древних Афин или Рима?

Так, размышляя ни о чем, я провел свой, вероятно предпоследний полет коммерческим рейсом. Сегодня осмотрю два самолета, заеду к старинному знакомому за вином и переночую в Сити, а завтра вернусь в Москву, возможно заеду в свой столичный офис, потом домой, в Краснодар. По каким критериям я буду решать, подходит мне самолет или нет я не знал и даже не хотел задумываться. Проверять технику и документы я точно не стану, буду просто прислушиваться к своим ощущениям. Надеюсь, я сразу смогу понять, моя это машина или нет.

За четыре часа полета из Шереметьево в Хитроу я отлично отдохнул. Предстоящие два дня обещали быть напрочь предсказуемыми и спокойными. Поэтому, уже после приземления и рулежки, когда к выходу присосался рукав переходя в терминал и стюардесса пригласила пассажиров бизнес класса на выход, я даже не отключил музыку и лишь кивнул Валере, своему помощнику, что сам заберу свой чемоданчик. Багажа у нас не было, тут не Шарль Де Голь, контроль англичане проводят, в отличие от соседей, быстро, так что я рассчитывал уже через десять минут сесть в машину к нанятому на два дня водителю.

Через двадцать секунд оказалось, что рассчитывать на предсказуемость в стране, подарившей миру Алису –

несколько опрометчиво.

Как обычно, на выходе из самолета нас провожает старшая борт проводница и капитан. Я бросаю дежурное «спасибо» и вежливую улыбку, в очередной раз отмечаю про себя, что нужно поговорить с Валерой, который проходит мимо аэрофлотовцев даже не поблагодарив их за работу, и делаю шаг на площадку рукава. Как обычно, на ней стоит какой-то сотрудник в ядовито зеленом светоотражающем жилете и таможенник в светло голубой рубашке с ромбами на рукавах, черном галстуке и черном жилете с полосками черно-белых шашечек. А вот вместо обычного молчания или даже редкого приветствия этот таможенник вежливо, но твердо, прикасается левой рукой к моему рукаву и говорит совершенно неожиданное:

– Your passport sir. – Раскрывает красную книжицу. – Mister Romanof? Follow me please. – Делает правой рукой приглашающий жест в сторону служебной дверцы, при этом взглядом ловит Валеру Золотухина. – You too sir.

Мало что понимая я спускаюсь по железной лестнице. И тут все встает на свои места.

Таможенник, неловко присев на одно колено, ставит штампы в моем и Валерином паспортах.

– Welcome to Great Britain gentlemen. – Отдает Валере оба паспорта, а я уже сажусь в гостеприимно распахнутую шофером дверь черного Rolls-Royce, в котором примерно че-

тыре месяца назад уже ездил из аэропорта на встречу с сэром Александром.

Вначале я было решил, что мы поедем по M25, любимому детищу Геймановского демона Кроули, обогнем с северо-запада Лондон и отправимся на север, в Лестершир, в поместье сэра Александра. Но, проехав по кольцевой буквально пару миль, водитель вырулил на Бат Роад. Значит все-таки едем в центр. Ну что же, вместо ожидаемых пары-тройки часов до поместья меня ожидает примерно столько же, но в пробке. Задавать вопросы шоферу я не стал, наверняка у него есть инструкции, и если «принимающая сторона» желала что-либо мне передать, он непременно бы уже выдал мне нужную информацию.

Валера сидит справа от меня и во всю глазеет по сторонам. Парень впервые в Великобритании, ему еще интересно. Я даже чуть-чуть позавидовал помощнику. Это очень приятное ощущение открытия чего-то нового, того, что еще не знаешь, не видел, не пробовал, не слышал или не читал. Я ни в коем случае не говорю о том, что я пресытился или потерял остроту ощущения. Нет. Просто те чувства, впечатления и эмоции, которые испытываешь, впервые попадая в какую-то страну, уже никогда не повторятся.

Странно, но уже через сорок минут мы были в Кенсингтоне. Пробок, которыми всегда отличался Лондон, почему-то не было. Мы обогнули Гайд парк снизу, с юга, а затем, по

кольцу вокруг арки Веллингтона, поехали на север. Через пятьдесят минут после выезда из Хитроу мы подъехали к отелю Мариотт.

– Your keys gentlemen. – Шофер протянул Валере два белых конверта с бордовым логотипом Мариотта в левом верхнем уголке. – Sir Alexander will be waiting for you in thirty minutes. Do you know the Speakers' corner?

– Sure, we'll be there in half an hour. – Я подхватываю свой чемоданчик из багажника, опережая потянувшегося было за ним боя. – Не вздумай чаевые совать, – шиплю Валере и мы входим в отель.

– Высказывать можно совершенно, абсолютно любую идею, говорить можно что угодно. – Сэр Александр ведет Валерия под руку и говорит, слегка склонившись к его плечу.

Я иду чуть сзади и внимательно смотрю на этот спектакль. Мы подошли к низенькой, кованой ограде «Уголка ораторов» ровно через тридцать минут после выхода из машины. И практически сразу к нам подошел сэр Александр. Рыжие ботинки, темно-серый костюм-тройка, иссини-белая рубашка и узкий черный галстук. Сдержанно кивнув мне, словно и не он привез нас в этот парк, англичанин тут же взял моего помощника под локоток и повел по дорожкам куда-то в сторону озер. Судя по кружащим, якобы праздно шатающимся, парням в черных костюмах и с кляксами блю туф гарнитур в ушах, посторонних к нам вежливо не подпустят. Очень ин-

тересно.

– Но, разумеется, есть и ряд ограничений. Даже в «Уголке ораторов» вы не можете критиковать королеву или религию, нельзя говорить экстремистские лозунги или призывать к насилию. – Сэр Александр отпустил Валерин локоть и, покровительственно взяв его за плечо. – И главное, если вы Вальерий, решите что-либо высказать, вам непременно понадобится коробка, ящик или любая вещь, на которую вы сможете встать ногами. Согласитесь, от хорошей жизни обращаться с призывами к народу никто не станет, а говорить о проблемах в королевстве, стоя на королевской земле – мягко говоря не вежливо.

Я улыбнулся, потому что Валера обернулся ко мне. Судя по его лицу, беседа была явно чуть выше его понимания. Он еще не научился оперировать полутонами, интонациями, тембром и жестами. Для него все еще, как в армии, есть право и лево, хорошо и плохо, правильно и не правильно. Но то, что он понимает, что двухмерная система координат не работает – это уже выгодно отличает его от большей части людей.

– Валерий очень интересовался историей парка. – Я вижу удивленный взгляд помощника и признательно-согласный взгляд англичанина, и, тем же искренним тоном, продолжаю. – Сэр Александр, возможно у вас найдется знающий экскурсовод?

Через семь минут я и мой английский знакомый сидим в лодке. Озеро Серпенталь не очень большое, но его вполне хватает на то, чтобы даже не имеющий преград над водой разговор оставался только между собеседниками.

– Максим. Во-первых, ваш самолет. Ну полно вам делать удивленные глаза, неужели вы бы хотели дружить с человеком, который не может получить информацию о любом человеке, – сэр Александр прикрыл глаза, будто что-то вспоминая, – ну, практически о любом, да, собственно, ваши продавцы сегодня от встречи откажутся. Оба. – Англичанин еще раз улыбается, но как-то, презрительно, что ли? У англосаксов это очень тонко получается, губы как будто не только в стороны раздвигаются, неуловимым движением верхняя уходит вперед и выражение становится вежливо-насмешливо-презрительным. – Оба ваши продавца получили неожиданные предложения на их товар. Щедрые предложения. И даже предоплата уже была акцептована обоими продавцами. – Снова та же самая улыбка. – Приятно иметь дело с жадными и глупыми людьми, они такие предсказуемые, просто прелесть. Оба продавца, которые, по моей информации, согласились забронировать самолеты до завтрашнего дня под вас, так вот они оба согласились уже продать свои самолеты другим покупателям, предложившим цену на пять процентов выше. И оба уже приняли, на их взгляд, невозвратный аванс в виде десяти процентов от стоимости сделки.

– А завтра ваши покупатели откажутся от покупки и про-

давцы придут ко мне с извинениями?

– Совершенно верно.

– Но как же «невозвратный» аванс? Или в характеристике жадные и глупые оба прилагательных были равноценны?

– Вы замечательный собеседник, вам не нужно пояснять детали. Именно так. Мои юристы не просто так самые дорогие в Сити. Конечно, заработать на отказе от приобретения самолетов я, – пауза, и снова вежливая улыбка, – конечно не я, а компании-покупатели, вряд ли смогут, но уж свой задаток они точно вернут. И оба продавца завтра же вас наберут, извинятся и попросят о встрече, на которой, зная вас, вы минимум десять-пятнадцать процентов скидки от их вчерашней «финальной» цены получите. А это годовая зарплата одного отличного капитана, ну, или зарплата двух хороших пилотов. Хотя, опять же зная вас, вероятно вы «хорошим» кэпом в своем самолете не ограничитесь.

– И все это для того, чтобы покататься в лодке?

– А вы считаете это недостаточным поводом? Хотя да, вы, – англичанин чуть наморщил высокий лоб и, как будто вспомнив что-то продолжил, – Максим, вы же первый самолет покупаете? А ведь собственный самолет это лишь промежуточный этап перед яхтой. Да да, человек первые девять месяцев своей жизни живет в жидкости, в материнской утробе. Отсюда и наша любовь к воде, отдых на море, озере, вообще у воды, да что там, даже шум родника или фонтана действует на человека успокаивающе, он как будто возвра-

щается в детство. Поэтому уверяю вас, Максим, уже через пару-тройку лет вы станете присматривать себе яхту.

Я не стал ничего говорить. Просто выжидательно смотрел на него. Но Александр будто бы потерял интерес к беседе и разглядывал набежавшие темные тучи.

– Вы сказали «во-первых». Может уже перейдем к остальным пунктам?

– Да, вы правы, это даже и дождиком назвать нельзя, не то, что на это недоразумение отвлекаться. – Сэр Александр переводит взгляд с низкого неба на меня. – Итак, во-вторых, я уверяю вас, что никто о нашем сегодняшнем разговоре без вашего ведома не узнает. Мы позаботились о том, чтобы даже направленным микрофоном нашу беседу не, – он чуть помедлил, видно, что русские слова все еще рождаются у него в мозге, а не слетают с кончика языка как у носителя, – нашу беседу не зафиксировали.

Мы неспешно проплываем мимо пункта проката синих пластиковых катамаранов. Почему-то прокат не работает, наша легкая бело-серая лодка – единственное плав средство на поверхности озера.

– В-третьих, я очень ценю, уважаю и люблю вашу родину. И я уверяю вас, что в отличие от нашего официально анонсируемого курса, вашу страну уважает большинство кабинета и даже сама королева.

– Любить уже означает уважать и ценить. – Я перебиваю собеседника. Не вежливо? Согласен. Но и тратить время на

«околопогодные» вводные в беседу я не хочу. Хотя, если подумать…

Наверняка у Александра есть ко мне какое-то дело, иначе мы бы не встретились. Четыре месяца назад, когда я с ним познакомился, после не самых лучших в моей жизни дней, мы сошлись на согласии встречаться раз в год. Раз уж следующая встреча произошла так скоро, явно тут не простое «я соскучился по общению с умным человеком».

– Любовь это безусловное обязательство. – Я продолжаю быстро, не давая собеседнику времени на его реплику.

Лучший способ повысить свои переговорные позиции в самом начале – это обострить беседу. Почему-то все «умные», ну или относящие себя к таковым, переговорщики, начинают беседу с общих фраз, каких-то банальностей вроде погоды, здоровья или, если беседа происходит за столом – какого-нибудь кулинарного замечания. Такой вот изящный аналог мощного клюва атомного ледокола, которым он рубит лед. Цель одинакова – разломить этот самый лед. Но еще у этой «предбеседы» есть один, не менее важный смысл. Это как посылка сигнала, пинг, проверка «свой-чужой». Как увертюра к опере, в которой собеседники вежливо кивают друг другу и согласно поддакивают на какие-то общие фразы. А знаете, как очень просто начать беседу с выигрышной позиции? Просто начните переговоры со слова «нет». Если с самого начала переговоров, с первых «погодных» слов не согласиться с собеседником, дать ему понять, что даже из веж-

ливости или социальных приличий соглашаться с его точкой зрения вы не намерены – это очень простой и эффективный способ повысить градус напряженности. А вот проводить сложные переговоры, не лайтовые, где стороны не то, что боятся, а просто не хотят обидеть друг друга, где переговорщики держат в головах эту дурацкую «win-win» стратегию, а нормальные жесткие переговоры, где стороны готовы друг друга не то, что послать, а съесть заживо и эту свою готовность отлично демонстрируют. Вот такие переговоры не каждому по силам. Мне – по силам. А сейчас пощупаем сэра Александра.

– Любить значит брать на себя ответственность. Любишь ребенка – значит заботишься о нем, воспитываешь, учишь. Не бывает любви без заботы, без вообще каких-то обязательств. Любовь без обязательств – это не любовь, а сделка, секс с проституткой. А еще, любовь это безусловное чувство, и оно не требует ничего взамен. Если «я тебя люблю, поэтому ты должен…», то это не про чувства, это снова про сделку, это чтобы заставить. Вы и кабинет ее Величества любите Россию? Честно?

– Интересно, я вновь восхищаюсь вашим умением строить формулировки и, главное, облекать их в форму. Интересно, хотя и спорно. – Сэр Александр сидит на веслах, он заранее надел тонкие кожаные перчатки, хотя пиджак так и не расстегнул, и теперь, при каждом гребке, я слышу тихий скрип уключины и еще чуть слышное поскрипывание кожи

по рукоятке весла. – Я на ваш вопрос отвечать не стану, ибо если я на него отвечу – это будет означать, что я согласен с тем, что вы усомнились в искренности моего утверждения. Однако, давайте не станем уходить в рассуждения, оставим их на те времена, когда мы станем беседовать ради удовольствия от беседы, а не для результата, тем более, жесткая лодочная скамья не стимулирует мозг. – Сэр Александр усмехнулся и взглянул вверх, на стягивающиеся над парком тучи. – Максим, вы понимаете, что наша встреча состоялась отнюдь не для философского обмена. – Он опускает весельные лопасти в воду, отчего лодка, и так двигавшаяся едва заметно, вовсе замирает. Пристально смотрит мне в глаза. – Максим Александрович, как вы смотрите на сотрудничество с министерством иностранных дел Ее Величества, а конкретно с МИб?

Глава 5

Дождь, даже скорее противная мелкая морось, начала падать с неба минут через десять после начала нашей водной прогулки. Мы успели проплыть метров триста, когда сэр Александр, передернув плечами, нарушил молчание и предложил закончить плавание и вернуться в гавань. После слов с предложением работать на английскую разведку ни я, ни он, ничего не говорили. Я не считал нужным что-либо отвечать, поскольку не мог спрогнозировать поведение моего контрагента после отказа. Вообще всегда, когда не знаешь, не видишь полную картину – молчи. Ваши слова могут быть использованы против вас. Ясная, четкая, кристально верная формула, которую знают все и которой не пользуется практически никто. Я – пользуюсь. Я обладаю талантом отличного рассказчика, но еще больший мой талант – умение молчать.

Мы пристали к берегу, тут же появившийся крепыш в сером плаще подтянул лодку к набережной и помог нам выбраться. Его близнец, только не в плаще, а в черном костюме, проводил нас к стоящему неподалеку, окруженному низенькой кованой оградой домику из серого кирпича, с зеленой дверью и белыми решетчатыми окнами. Судя по двум трубам на покатой крыше, тут есть и печь и камин. Только сейчас я понял, как хочу оказаться в кресле перед открытым

огнем.

Камин в доме был. Как и два кресла, удобно расположенные лицом к огню, и низенький столик темного дерева. Прям как в советском фильме про Шерлока Холмса. На левой стороне стола стоял серебряный кофейник и белая, толстого фарфора, практически квадратная, примерно шесть на шесть сантиметров, кофейная чашка. Стандартная посуда из любого гостиничного номера, вероятно, я пил из миллиона сестер этой кружки.

На правой стороне столика стоял толстенький низкий заварник из, даже на вид, тончайшего костяного фарфора, будто бы светящегося изнутри. Чайная пара из этого же материала и молочник. На белоснежной тарелочке половинки лимонных кружков, тончайшие, с дырочками на месте косточек. Почему-то я вспомнил фильм «Код Да Винчи» и то, как профессор Ленгдон в нем выбирал «Ерл Грей» с лимоном и молоком. Все равно, что американскому шпиону, чтобы сойти за русского, заказать в ресторане борщ с ухой.

Судя по расстановке, мне предстоит сидеть слева, а мой визави, сэр Александр, сядет справа. Предсказуемо, сидя боком к собеседнику всегда тот, кто сидит справа – имеет преимущество, стандартному человеку-правше комфортнее смотреть в левую сторону. Обратите внимание на это в следующий раз, когда станете смотреть встречи президентов. Вот только понимание этого факта нивелирует все те НЛПш-

ные выгоды, которые мой визави, если бы он и вправду этим заморочился при организации вот этой вот беседы, мог получить. Я знаю большинство этих уловок, поэтому на меня они не действуют.

А еще на столике стояли две хрустальные стопки на длинных ножках и хрустальный графин с иссиня-красным содержимым. Если это портвейн, то я прям переживаю за свою душу, ибо она вполне может стать разменной монетой…

– Я знаю, дорогой Максим, что вы вне религии и вне политики. Но вот только позвольте один, совершенно невинный вопрос? – Сэр Александр уже налил в чашку молоко и сейчас добавляет в нее чай. – Вы ведь в Краснодаре живете? Ваши восточные соседи ведь мусульмане, в основном сунниты, да и внутри вашего региона, края, мусульманская Адыгея, верно?

Ну вот, сейчас меня станут втягивать в Азербайджано-Армянский вопрос. А как все интересно начиналось несколько месяцев назад. Пока не знаю, что мне предложит мой новый товарищ, но я уже начинаю разочаровываться в знакомстве. Да, с ним интересно побеседовать на какие-то общие темы, но верить в то, что он может сделать что-то для меня… Я много раз встречал таких людей. Мне на ум пришел образ старика Художника, вора из краснодарской тюрьмы. Я для него был навроде забавной зверушки, может интересной прихоти. Но не человеком. На меня нормы морали и законы

Художника не распространялись. То же самое происходит сейчас. Английский лорд, член правительства Великобритании, оказывается еще и сотрудник их «органов». Он витает на недоступных мне уровнях. И верить в его дружбу – ну прям хотелось бы, да вот ум не позволяет.

А еще мне обидно. Даже скорее не обидно, я испытываю разочарование. В себе. Это как же я жил все это время, если дал повод иностранной разведке рассчитывать на возможность моей вербовки?

Я поднимаю рюмку портвейна, смотрю через бордовое свечение на оранжевое пламя камина. Как же не хочется вставать из этого уютного кресла. Откуда вообще такое кресло в домике паркового садовника?

– Вероятно, вы сейчас станете мне говорить о том, что кабинет ее Величества поддерживает мусульманский Азербайджан в вопросе Нагорного Карабаха? В пику православной Армении? Право, сэр Александр, я вам признателен за прогулку, кофе и вино, но ни в политику, ни в шпионы я не пойду. Не стану утруждать вас обоснованием своей позиции, сэкономлю и ваше и свое время. – Заметив наигранно негодующий взгляд англичанина добавляю. – Сэр Александр, давайте начистоту. Мы можем побеседовать о музыке, ваш взгляд на нее мне интересен, можем поговорить о кулинарии или порассуждать о предпосылках и тенденциях развития человечества. Но вписываться в какие-то ваши проекты, тем более в качестве сотрудника, я не стану по одной про-

стой причине. Я вам не доверяю. Вернее не так, вам персонально, как человеку, я могу поверить, но вот вам, как представителю Великобритании… Вы это знаете, следовательно, и вы мне доверять никак не можете.

– Спасибо за откровенность. Вы первый человек, кто открыто говорит, что не доверяет. Обычно о таком думают, про себя, и радуются этой мысли. Человек, поймавший себя на такой мысли во время переговоров, как ни странно, обычно радуется. Она подтверждает внутреннюю уверенность человека в том, что он прозорлив и его нельзя обмануть. Но высказанная вслух… Тут очевидная уловка двадцать два. Вы своими словами о недоверии значительно повысили уровень доверия между нами. – Александр поднимает чашку и делает неуловимый глоток.

Я смотрю на изящную чашку в руке англичанина, на то, как он, сидя в пол оборота, удобно развалился в глубоком кресле, но при этом спина ровная, голова даже при глотке горячего чая прямая и будто бы даже не шевелится. Их что, в школах учат так изысканно легко пить чай? Вернусь завтра в Краснодар – найму какого-нибудь тренера, уж не знаю, по этикету или по актерскому мастерству. Я хочу уметь так же естественно сидеть. Тем временем англичанин продолжает.

– Вы, безусловно, талантливый аналитик, Максим, но ваши выводы идут несколько не в том направлении. Главное – я не вербую вас. Ни в коем случае. Я сам не служу ни в МИДе, МИб, ни в МВД, МИ5. Я лишь привлеченный спе-

циалист. Вот и вас я уполномочен просить об услуге короне. Мы гарантируем, что это сотрудничество не причинит вреда вашей Родине, напротив, принесет ей пользу. Да да, иногда у наших стран могут возникать общие интересы. Но об этом расскажу не я и не здесь. Вы совершенно правы в своем праве не доверять мне.

Вы умеете читать. Следовательно, вы учились в школе. Согласитесь, это безукоризненная логическая цепочка. А раз вы учились в школе, то вы знаете, что такое аксиома. Я лишь напомню формулировку: аксиома – это исходное, первичное, базовое положение какой-либо теории. Это данные, не требующие доказательства. Напротив, на основе аксиомы происходит доказательство теорем. Если бы человечество не приняло бездоказательность аксиом, нам пришлось бы бесконечно долго доказывать любое утверждение. Ведь любое доказательство опирается на свое утверждение, которое, если это не аксиома, тоже должно быть доказано.

Я делаю вывод, основанный на аксиоме, а через десять минут мой стройный логический мир рушится, потому что моя, на сто процентов верная аксиома оказывается под большим таким, я бы сказал королевским, вопросом.

Я не патриот. Я не прихожу в умиление от вида березок или от воспоминаний о школьном дворе. Мое сердце не трепещет при звуках гимна, я даже не уверен, что смогу дослов-

но его вспомнить. Но я никогда не предам Родину. Это инстинкт самосохранения. После такого предательства я просто не смогу жить в мире с самим собой. А я люблю себя и ценю свое высокое мнение о самом себе.

Мне предлагают поработать на английскую разведку, при этом гарантируют, что это принесет пользу России. Если это еще не звучит оксюмороном, добавим слова о том, что мне предлагают поработать на английскую МИб. Если последние пару лет вы провели в космосе или Антарктиде, без доступа в интернет, если выражение highly likely для вас ничего не значит, просто прошу поверить, что мой отказ от предложения англичанина был основан не просто на аксиоме «не предавай Родину», но еще и щедро сдобрен соусов недоверия к англичанам.

Если бы не камин, если бы не морось на улице, если бы не великолепный портвейн в рюмке… Я очень люблю себя, поэтому я не прочь побаловать свои нежные чувства. Ну а то, что это наша последняя встреча, потому что после отказа от работы на английскую разведку мне с сэром Александром будет уже не комфортно общаться, ну так и ничего. Когда-нибудь потом, в старости, буду писать мемуары и целый абзац посвящу тому, как меня вербовали в домике садовника в Гайд парке. Поэтому я решил не уходить еще двадцать минут. По моим прикидкам, именно столько времени мне понадобится на то, чтобы допить кофе и вино.

– Я не уполномочен обсуждать с вами политические во-

просы, а тратить время, и ваше и свое, на частные беседы – нет, не для этого мы с вами сегодня, – снова пауза и явственный подбор русского слова, – внеурочно встретились. Все прозаичнее и проще. И сложнее.

Сэр Александр впервые прикасается к своей рюмке, поднимает ее за тонкую ножку, чуть крутит на фоне камина и, так и не пригубив, ставит обратно на стол.

– По нашим данным в течении ближайших десяти лет существование наших стран, и Великобритании, и России, будет подвергнуто, как бы правильно сказать, испытанию. – Увидев мой вопросительный взгляд сэр Александр вскинул левую руку, будто прося оставить вопросы на потом, и продолжил. – Разумеется, помимо наших с вами стран, испытанию подвергнется и вся, так называемая, Европа. Максим Александрович, я повторюсь, наш нынешний разговор имеет частный характер, но я наделен полномочиями сменить его статус на официальный. Пока вы не дали ответа, я предоставлю вам некоторые вводные. – Сэр Александр делает глоток чая, вероятно уже остывшего, потому что на лице появляется недовольная гримаса. – Есть некая организация, подробности о которой я вам передам в зависимости от вашего решения. Эта организация ставит своей целью объединение всего восточного полушария в единую страну, в Халифат.

Англичанин делает паузу, а мне на ум почему-то приходит падишах-император Шаддам из «Дюны» Френка Герберта.

– Если вы не рассматриваете такую возможность даже ги-

потетически, то я попрошу вас честно, не кривя душой, ответить на ряд вопросов. Даже не вслух, просто самому себе. Вы уверены, что конфликт на Северном Кавказе, в вашей стране, был бы погашен, не приди к власти те лидеры, которые сейчас управляют страной и регионом? И вы уверены, что после, дай им Бог крепкого здоровья, их ухода, этот регион не станет вновь очагом напряженности внутри вашей страны? Вы уверены, что при следующих поколениях руководства, на этих территориях не возникнет идея организации независимого, сначала, государства, которое потом перейдет под протекторат Халифа… Вы вероятно знаете, что «талиб» переводится с арабского как «ученик». Люди любят учиться…

Черт возьми, он бьет по моим живым нервам. Его слова откликаются во мне воспоминаниями о десятках «флэшек» с требованием платить боевикам «закят», налог с оборота. Флэшки с угрозами еще несколько лет назад регулярно получали мои директора в кавказских республиках.

– Максим Александрович, я уполномочен предложить вам не работу на правительство Соединенного Королевства, а просить вас о помощи Короне.

Почему-то я ему верил. Я видел, что этот человек верит в реальность угрозы уничтожения моей и его страны. Поэтому я молчал. С момента моего решения послать нового английского друга куда подальше прошло около десяти минут. Десять минут назад я, на основе простой аксиомы «нельзя

соглашаться на предложения иностранной разведки» готов был вежливо, но резко, отказать сэру Александру. Но после его следующих слов моя уверенность в абсолюте аксиом пропала.

Сэр Александр взглянул на часы и совершенно будничным тоном произнес:

– Максим Александрович, имею честь пригласить вас на чаепитие к Ее Величеству Королеве Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии. – Чуть помедлив и еще раз взглянув на часы он добавляет. – До Букингемского дворца чуть меньше двух миль, если бы не погода мы бы прогулялись, но, давайте все же воспользоваться автомобилем.

Когда-то я читал интервью с группой «Сплин». Лидер группы рассказывал, что когда они получили по факсу предложение быть разогревающими на концерте Rolling Stones, они просто напились от радости. Возможно, это интервью было фейком. Но если это правда – я очень хорошо понимаю эмоции парней.

Я делаю глоток портвейна. Очень длинный глоток изумительного, слегка терпкого, орехово-сухофруктного вина. Оно уже чуть тепловато, но от этого лишь раскрывается новый флер специй. Я делаю глоток, смотрю на опустевшую рюмку и киваю. Может быть, я киваю букету послевкусия, может, я одобрительно рассматриваю стекающие по хрустальным бортикам капли. Но, скорее всего, я все же киваю

своему отказу от аксиомы. Турецкий Эрдоган как-то сказал, что в политике нет вечных обид. Возможно, в политике нет вечных врагов и союзников? Я киваю своему согласию работать с британской МИб. И это согласие может стоить мне порядка десяти миллионов долларов. В ближайшей перспективе. Ну а долгосрочные последствия этого наклона головы я пока еще даже не могу предположить.

Глава 6

– Максим Александрович, тебе реально королева Англии предлагала подарить самолет, а ты отказался? – Валера Золотухин смотрит на меня одновременно недоверчивыми и счастливыми глазами.

Мы сидим в соседних креслах аэрофлотовского бизнес класса рейса Лондон – Москва. Пару часов назад мы осмотрели оба самолета, я выбрал тот, который мне больше приглянулся и договорился о цене. Как и предсказывал сэр Александр, благодаря эскападе продавцов, их нарушению уже достигнутых со мной договоренностей, я сумел получить значительную скидку, которой надеялся покрыть расходы на страховку, перегон самолета в Россию или другие первоочередные расходы, связанные с приобретением борта.

Рассказ о событиях вчерашнего дня Валера слышал уже несколько раз, но, словно ребенок, которому интересна еще и еще раз послушать одну и ту же сказку, он вновь возвращается к этой теме.

Мы говорим тихо, не опасаясь что нас кто-то услышит или мы кого-то побеспокоим. Кроме меня и моего помощника в кабине бизнес класса лишь пара пассажиров, через один ряд и по диагонали от нас спит парочка очаровательных пенсионеров лет шестидесяти-шестидесяти пяти. Судя по одежде это английские аристократы, а судя по тому, что они спят,

взявшись за руки – они счастливы. Вы замечали, в Европе вообще очень часто встречаются какие-то аккуратные, даже импозантные парочки стариков. Я бы тоже хотел так встретить старость. Сидеть с женой в открытом кафе в какой-нибудь новой страны, держать ее за руку, лениво курить сигару и пить местную настойку.

От размышлений меня отвлек новый вопрос Валеры.

– Максим Александрович, ты же сам сто раз говорил, что сэкономленные деньги – заработанные деньги. А тут – десять миллионов. Да еще и от самой королевы. Почему отказался?

– Я все время забываю, что ты еще совсем молодой. – Смеюсь я и беру мороженое.

Про изменение восприятия вкусовых рецепторов на высоте написано и сказано очень много. Но это все теория. А на практике, мороженое на рейсах Аэрофлота – пожалуй самое вкусное. С ним я могу сравнить только мороженое от Giolitti, старинной римской джелатерии, расположенной в паре кварталов от Пантеона. Хотя, возможно, все дело все же в высоте и в алкоголе, который я обычно выпиваю, сидя в кресле самолета.

– Что это я молодой? – Совершенно по детски обижается мой помощник.

– «Сэкономленные деньги – заработанные деньги» это не я, это Скрудж МакДак сказал, посмотри как-нибудь «Утиные истории», не хуже многих бизнес книг. – Снова смеюсь я.

Мне весело. Мне легко и весело оттого, что я вновь влип

в какую-то странную историю. Не логично? Согласен, но вот только жизнь научила меня, что логическому объяснению поддаются ой как не все события нашей жизни.

Как вы себе представляете встречу с королевой? Не с самой красивой девушкой, выигравшей главный титул на каких-нибудь областных или даже федеральных конкурсах красоты. А с натуральной королевой, даже не имеющей паспорта, потому что паспорт Соединённого Королевства выпускаются от имени Её Величества, и сама себе королева выдать паспорт не может. Королева – суверен, «источник чести», она имеет исключительное право присвоить дворянский титул или рыцарский орден. Но сам суверен не может принадлежать к пэрству, «источник достоинства не может получить достоинство от себя». Вот примерно такая же история и с паспортом.

Не буду описывать встречу в Букенгемском дворце. У каждого, кто мечтает о встрече с монархом, в голове наверняка есть красивый шаблон, некий видеоряд, где присутствуют поклоны, слуги в ливреях, молчаливая торжественность. Не стану разрушать эти, бесспорно, красивые картинки. Ну а тому, кто о встрече с коронованной особой никогда не думал, тому и описание моей встречи будет не интересным.

Скажу только, что были совершенно ожидаемые мною поклоны и совершенно неожиданные для меня сэндвичи с огурцом к чаю.

Все чаепитие заняло около двадцати минут. Меня похвалили за произношение, я поблагодарил за встречу. Обсудили дождь и чайные предпочтения, сойдясь в том, что без мелкой мороси иностранный турист, побывавший в Лондоне, будет несколько разочарован, а чай «лапсанг сушонг» вкусен, но из-за его аромата могут страдать окружающие.

Лишь в самом конце аудиенции, уже прощаясь, королева поблагодарила меня за согласие помочь в вопросе, о котором мне рассказывал сэр Александр. И в качестве ответной любезности мне предложили подарить выбранный мною самолет. Конкретно назвав именно тот из двух, который я действительно выбрал на следующий день. Ничего удивительного, первое лицо Великобритании наверняка может себе позволить отличных профайлеров, способных предсказать мой выбор.

Отказавшись я объяснил, что мне легче оформить приобретение, чем подарок. Но главное, я помогаю, а не служу. А помощь не предполагает какой-либо оплаты. В ответ я не удостоился каких-то красивых слов, все заменило неожиданное рукопожатие, которое подарила мне королева.

Все это я уже рассказывал вчера и сегодня Валере, в подробностях наедине, и в общих чертах при посторонних, вот как сейчас. Судя по горящим глазам, мои рассказ повысил и без того невероятную лояльность моего помощника ко мне. Глядя в его лицо я, буквально физически, чувствовал шед-

шее от него чувство гордости за его причастность к моим делам. Это отлично. Мне не нужны сотрудники, работающие исключительно за деньги. В работе таких людей нет «огонька». Тем более, такие сотрудники не нужны мне в ближайшем окружении.

Беседуя, попивая кофе и коньяк, слушая музыку, мы с помощником долетели до Москвы и оттуда уже в Краснодар. Надеюсь, это будет последний мой пересадочный полет. В свое московское представительство я решил, в этот раз, не заезжать.

На следующий день я приехал в офис ГК «Максим» как обычно, около семи часов. Я не трудоголик и у меня нет проблем со сном. Просто Краснодар, как и любой мегаполис, может похвастаться отличными, крепкими и регулярными пробками на дорогах. Я предпочитаю выехать из дома в шесть тридцать и быть в кабинете в семь, нежели поспать лишние тридцать минут и потратить час на дорогу.

Итак, в семь часов я уже сидел за своим столом и пил вторую за день чашку кофе. А уже в восемь часов я был завербован спецслужбами России и ехал в аэропорт по заданию спецслужб Великобритании.

В семь ноль пять, я только сдул коричневую пенку с кофейной чашки и успел сделать лишь пару глотков пока еще обжигающе горячего кофе, ко мне в офис ворвалась секретарша со словами, что к нам явилась налоговая с камераль-

ной проверкой. Я улыбнулся. Разумеется, я не ожидал получить реакцию на свое английское путешествие так скоро, но о том, что подобная реакция вероятно будет я предполагал. Но «камералка»? В семь утра? Что же, я люблю театр. Конечно, я предпочитаю классику всем этим модным «иммерсивным» спектаклям, но раз уж неизвестные мне пока Розенкранц и Гильденстерн уже привезли ко мне в здание труппу, будет не вежливо не взглянуть на постановку.

Я думал, что я очень умный. Я понимал, что налоговики, которые войдут ко мне в кабинет, никакие не сотрудники ФНС. Но все же, когда дверь открылась я очень удивился.

Вошедший мужчина лет шестидесяти обладал изысканными, интеллигентными чертами лица. Его портрет можно было бы размещать в Википедии для иллюстрации статьи о профессорах Сорбонны или Гарварда. Седые волосы, черные брови, какая-то понимающая и, одновременно, критичная полуулыбка. А еще, у него были исключительно яркие глаза. Будто бы за голубые стеклышки спрятали пару фонариков ослепительной яркости. Но не это меня удивило. Вернее, не удивление было главной испытанной мною эмоцией. В первую очередь я испытал гордость. Гордость за наши спец службы. Потому что ко мне в кабинет зашел вчерашний старичок, спавший по диагонали от меня в кабине бизнес класса самолета Лондон-Москва.

– Вероятно, вы меня узнали? – Мужчина проходит пару

десятков метров от двери до моего стола и протягивает руку.

– Вы ведь сделали все для этого? Камеральная проверка в моем офисе, встреча с генеральным, в конце концов время… – Я пожимаю протянутую руку и жестом приглашаю к стоящим у окна креслам.

– Кхxм, да, время. Видите ли, Максим Александрович, именно время в нашем случае является ключевым фактором, – посетитель трет в задумчивости подбородок и добавляет полушепотом, – впрочем, как и всегда, время это всегда ключевой фактор… Я подумал, что так я смогу сэкономить его для нас, для наших непростых вопросов.

– Пока что я обладаю всем временем мира и если в этой комнате кто-то и находится в состоянии цейтнота, то это не я. – Он пришел ко мне, он на моей территории, это ему что-то нужно от меня. Играть со мной в игры «у нас с вами проблемы» я не дам. Со мной так нельзя.

Мужчина внимательно смотрит мне в глаза, при этом слегка щурится. Вероятно, он носит очки, но сейчас не надевает их, чтобы не ломать первый момент знакомства. Именно в первые мгновения мужчины интуитивно выстраивают свои позиции. Это не всегда положения альфа-бета, очень часто, уже на первых секундах знакомства, становится понятно, что контрагенты одинаково сильны и это будет равноправный разговор. Так случилось и в этот раз. И мой гость это понял. Он расслабил спину и как-то просел даже, удобнее развалившись в кресле.

– Да, личное дело и даже видео не дают всей картины, в жизни вы много интереснее. – Говоря это мужчина потирает руки, будто умывая их под струей воды. – Простите, Максим Александрович, за цирк, издержки так сказать… Позвольте представиться, меня зовут Федор Михайлович, да да, как Достоевского. И пороки те же, азартен без меры и к алкоголю пристрастие имею. Да. Так та вот. – Федор Михайлович замолкает и будто бы в ожидании каких-то действий смотрит на меня.

Что ж, а мне не сложно. Раз человек старается, можно и помочь с реквизитом. Я не прошу помощи секретаря, сам встаю из кресла, делаю несколько шагов и возвращаюсь с низким хрустальным стаканом, на четверть наполненным отличным односолодовым виски. С одним стаканом. Я пока еще не услышал ничего, чтобы мне захотелось выпить с этим человеком.

– Еще женщины. Вы про любовь Федора Михайловича к женщинам не упомянули.

– Все верно, не упомянул, потому что, как вы вероятно вчера заметили, я счастливо женат, ну и тут, у вас, я только азарт и коньяк рассчитывал получить. Ну виски тоже ничего, сойдет. Вы догадываетесь, какую организацию я представляю?

– Методом исключения могу сказать лишь, что вы точно не налоговый инспектор. – Без улыбки говорю я.

– Ха ха, вы чертовски правы, Максим Александрович. А

еще на мне нет каски и латексных перчаток, так что я наверняка не из пожарной охраны и не из СанЭпид надзора. А еще я знаю, что у вас достаточно тесные отношения с вашими друзьями в ФСБ. Они, кстати, о вас очень положительно отзываются. Но так как их тут нет, то и мою принадлежность к их ведомству вы, вероятно, так же уже исключили. – Я слегка киваю в ответ, любой рассказ нужно стимулировать активным слушанием. – И что же у нас остается?

Он молчит, словно ожидая, что я сам стану угадывать. Ну уж нет, это твоя партия, я за тебя петь не стану.

– Гербалайф? Пылесосы Кирби? – Совершенно серьезно говорю я и вижу, как его лицо наливается кровью.

А вот инсультов мне в кабинете не надо, какую бы контору он не представлял, иметь в личном деле пометку, что именно у меня в гостях умер кто-то и спецслужбистов мне не хочется. Да и вообще, я конечно не верю во всякие ауры и фэн шуй, но умирать в моем кресле я никому не позволю. Поэтому я состраиваю просительное лицо, мол, не могу своим сирым мозгом постичь твою тайну, подскажи.

Федор Михайлович светлеет лицом и, вероятно, решает не заострять внимание на моей неуклюжей шутке.

– Максим Александрович, намекну. Я представляю ту службу Российской Федерации, которой положено знать, о чем говорят два джентльмена за бокалом портвейна сидя у камина в домике садовника.

И снова чувство гордости за родину. Еще раз повторюсь,

я ни разу не ура-патриот, но мне приятно, что моя страна может вот так.

– А вы знаете? Или вам положено знать, но вы не…

– Но… Максим Александрович, вот с этой минуты давайте без пикировок, просто поговорим как два умных человека. Я полковник службы внешней разведки ГРУ. Мне положено знать, о чем вы беседовали в Гайд парке и с кем встречались во дворце. Но я этого не знаю. Я предполагаю, что это как-то связано с организацией социалистов-исламистов, тьфу, сам говорю и сам от абсурдности морщусь, однако… Мы с вами умные люди, потому мы должны рассматривать любые, абсолютно любые допуски. И версию террористов социал-исламистов всерьез рассматривать, и вашу встречу с Елизаветой. Какими бы абсурдными эти версии ни были…

Обычно, если человек постоянно в разговоре повторяет, что он умный – это первый признак его глупости. Умному человеку не нужно всем и каждому напоминать, что он умный. Но с полковником все было по другому. Он просто констатировал этот факт, просто говорил о нем как о вводной, которую следует использовать в работе.

Мне понравился этот человек. Умный, жесткий, с бритвенно острыми реакциями. Он не боялся признаться в том, что не все знает и не давал шанса своему контрагенту, то есть мне, воспользоваться этим незнанием. Странно, но в очередной раз я встречаюсь с не самыми последними людьми наших спецслужб и в очередной раз они мне импонируют. Это

реально мудрые, сильные люди. Так почему же чем ниже, тем хуже у них с персоналом? Еще Ленин говорил, что нельзя бояться «человека с ружьем». А мы боимся. И правильно делаем… Или тут как в кораблях, ниже ватерлинии корпус обрастает ракушками и его нужно регулярно чистить? Ну так капитан на то и руководитель, чтобы не только в даль в бинокль глядеть, он и о днище думать должен.

Мы говорили долго, почти пятьдесят минут. Я рассказал все, что происходило позавчера. Я видел искреннее удивление на рассказе о чаепитии. Я видел задумчивое хмурение бровей и быстрые, как мне показалось стенографические записи в узеньком черном блокноте, когда я пересказывал рассказ сэра Александра о «Гринго».

Я не рассматриваю эти пятьдесят минут как предательство или нарушение этики по отношению к англичанам. Так получилось, что и по крови, и по почве я – русский. О благе всего человечества я буду думать уже после того, как подумаю о своей Родине. Это нормально. Точно так же мысли о глобальном «российском» народе стоят у меня в приоритетах уже после мыслей о сотрудниках ГК «Максим». О сотрудниках я думаю уже после мыслей о своих друзьях, которые стоят чуть ниже моих родных. Ну а вершина этой пирамиды ответственности – я сам. Попробуйте, если каждый будет обладать здоровым эгоизмом – всем станет жить несколько легче.

Я не подписывал каких-либо бумаг. Мне не предлагали какой-либо оплаты и не присваивали псевдонимов. Никаких «Трианон», «Стахановец» или еще чего-то в этом духе. Просто еще один пожилой человек, теперь уже мужчина, а не женщина, теперь полковник ГРУ, а не королева Великобритании, попросил меня о помощи. И я снова согласился.

Нашу милую беседу (я уже налил второй бокал Федору Михайловичу и даже плеснул себе) прервал сигнал моего нового телефона. «Pls check Y mail». Сообщение в «Signal» от неизвестного абонента. Но этот номер знает лишь один человек, сэр Александр… Я прошу прощения за паузу у полковника и вхожу в созданный позавчера почтовый экаунт. Во входящих единственное письмо. Электронный билет на мое имя, Краснодар – Стамбул Turkish Airlines. Вылет через полтора часа.

Глава 7

Почему-то у Аэрофлота очень редко встречаются самолеты с первым классом. Максимум бизнес. Турецкие авиалинии более щедры, а может быть наоборот, хотят заработать больше. Поэтому у них, кроме эконома и бизнеса, на многих направлениях есть салоны первого класса. На очень многих. Но не на рейсах Краснодар – Стамбул.

Больше того, на моем рейсе не было бизнеса. Стандартный Airbus A320 был в не стандартной, одноклассовой компоновке. Тридцать рядов три плюс три. Никакого первого, один плюс один, и даже бизнеса, два плюс два, ряда кресел. Тридцать рядов индивидуальных предпринимателей с краснодарского Вишняковского рынка, летящих на рынки Лалели и даже не подозревающих, что Стамбул это Константинополь, ни разу не бывавших в Айя София, Топ Капи или в Цистерне.

Я сидел и размышлял об английском чувстве юмора. Для того, чтобы вы настроились на мои размышления, я несколько по другому сформулирую это предложение. Я, Максим Романов, владелец ГК «Максим», бизнесмен с состоянием примерно в два миллиарда долларов, сидел на месте девять бэ, между дурно пахнущим мужиком у окна, всю дорогу шуршавшим остро пахнущей краской газетой, и упитанной дамой у прохода, весь полет норовившей поспать на моем

плече. И да, спинка кресла не отклонялась, так как за нами был аварийный выход. Ничем, кроме извращенного чувства юмора людей, приобретавших для меня билет, объяснить этот полет я не могу. Ну и, чтобы вы окончательно прониклись моим настроением, добавлю, что знаменитый кофе по-турецки в эконом Turkish Airlines это растворимый напиток. Уже с сахаром.

Но знаете, что самое любопытное? Если бы мне два часа назад, заранее, в красках, описали бы и этот салон, и мое кресло, и моих соседей, я бы не то, что не отказался бы. Напротив, я бы лишь усмехнулся и спросил, где мне подписаться под этим контрактом. Я знаю, что в жизни стоит отвечать «да» всем приключениям, особенно тем, которые обещают быть интересными и не предсказуемыми. А приключение, в описании которого есть слова об английской королеве и пэрах Англии, исламистах-социалистах и полковниках ГРУ, угрозе развала не просто нескольких стран, а вообще перекройки политической карты Евразии, не поучаствовать в таком приключении я просто не могу. Мое любопытство съест меня через четверть часа после отказа.

Поэтому я, Максим Романов, сижу в неудобном кресле, дышу типографской краской, в ухо мне лезет пышная прическа соседки, я сижу и радостно улыбаюсь.

Мне забронировали номер в «Шератоне», в западной части города, неподалеку от двух башен Трокай Шишикам.

Кстати, в две тысячи восьмом я даже думал вложиться в проект их стекольного производства. Турки хотели открыть стекольный завод на севере Краснодарского края и я был готов вложить в них деньги, но, спасибо моему финансовому, так и не сделал этого. У Трокай до сих пор нет завода на Кубани.

В гостиничном люксе меня ждала холодная, но не ледяная, бутылка Moet и приставленная к ней визитка какого-то ночного клуба на улице Истикляль. Никаких записок, пояснений или иных инструкций. Ну что же. Вот я и Джеймс Бонд. На часах начало второго, приходить в клуб раньше восьми мне не позволит здравый смысл, приходить туда трезвым и голодным – опыт, а приходить туда в костюме, в котором я семь часов назад вышел на работу в Краснодаре – мое чувство стиля. Я звоню консьержу и описываю одежду, которую хотел бы приобрести. Отказываюсь от приезда продавцов в номер и заказываю машину на пятнадцать ноль ноль. Набираю ванну и, подхватив бутылку шампанского, ложусь в теплую воду. Я знаю пару аутентичных таверн на набережной Золотого Рога, где подают чудесную турецкую рыбу и совершенно не мусульманское домашнее шампанское. Причем счет за обед будет таким, какими в Москве, или даже в Краснодар, были бы только чаевые.

Я подъехал к клубу на трамвае. Очередь в заведение растянулась на полтора квартала. Особенно плотно толпа стояла

на пересечении Истикляль и какого-то безымянного переулка, в котором примостилась полицейская «Tesla Model Y». Я знаю эту модель, потому что мой безопасник, Дзантиев, хочет такую машину невестке подарить, все уши уже прожужжал об этой «Тесле», но все еще не может ее купить, потому что серийное производство не начато. А тут вот она, стоит себе бело-синяя в переулке. Два качка полицейских в черных беретах, с короткими автоматами на шеях, и нарочито невозмутимыми лицами скорее походили на стриптизеров из какого-нибудь московского клуба, чем на реальных стражей порядка. Толпа девушек спорила за возможность сфотографироваться с машиной или с ее водителями. Я было тоже хотел щелкнуть «Теслу» и отправить картинку Руслану Викторовичу, подписав, мол, что он просто плохо ищет, но быстро передумал.

Прикинул колбасу очереди и, чуть позавидовав владельцам заведения, прошел к красному канату, перегораживающему вход в здание. Два негра в темных костюмах-тройках с бицепсами, размером с мою голову. Американцы почему-то называют такие руки пушками. Бицепсы видны, поскольку и на рубашках, и на пиджаках охранников нет рукавов. Как в тех же американских тюрьмах, зэки отрывают рукава как бы давая понять, что их бицухи ни в один рукав не поместятся. Глядя на эту пару я знал, что в их случае это правда.

– Max Rom, check your list. – И после необходимой, но все еще не грубой паузы. – Please.

Через десять секунд вхожу в полутемное помещение, озаряющееся вспышками стробоскопов. Судя по скорости, с которой мое имя нашли охранники, приглашающая сторона внесла меня не в алфавитный список гостей, а в какой-то ВИП лист на первой странице. По крайней мере мне приятно думать именно так. Оглушительная музыка, в которой с трудом угадывается «Плохой парень» Били Айлиш. Толпа, в которой примерно поровну распределены мужчины и женщины, причем средний возраст тут далеко не двадцать, хотя и старички за сорок особо в мелькании светомузыки не заметны. Что ж, значит есть шанс на нормальный алкоголь.

Я всего лишь начинающий Джеймс Бонд. И мне не дали каких-то инструкций. Ну, значит сами виноваты. Буду получать удовольствие, а если от этого получится какая-то польза России и Великобритании, то и ладно. Спасение мира как побочный продукт посещения клуба…

Черная Citigroup Black Chairman Card привлекает внимание профессионального бармена.

– Couple double please, – киваю я на бутылку Black Label, – and Fiji water, no glass.

Не то, что я какой-то завсегдатай клубов. Да, я занимаюсь несколько смежным бизнесом, но в мои рестораны скорее ходят либо до клубов, чтобы поесть и выпить подешевле, либо после, чтобы пополнить запас истраченных калорий. Но и в первую тысячу посещенных мною клубов это заведение,

скорее всего, не входит. Ну а еще, я умею думать о других людях. Поэтому я знаю, что лучше сразу заказать сто шестьдесят, нежели четыре раза звать бармена. Можно, конечно, пойти по-европейски и гонять парня с сорокаграммовыми порциями, но я же не садист.

Бармен действительно профессионал и он благодарно оценил мой жест, поставив передо мной, кроме широкого рокса, розеточку с арахисом, блюдце с тремя дольками лимона и несколько салфеток. В ответ, пикнув картой на беспроводном терминале, кладу на стойку две банкноты со стандартным Ататюрком на одной стороне и писательницей Фатимой Талуз на другой. Сто лир это примерно пятнадцать евро, скорее всего, я могу себе это позволить. Тем паче, давать чаевые бармену в новом заведении – это не роскошь, это всегда здравый смысл. Первая заповедь любого бара – подружись с персоналом или хотя бы с тем, кто тебе наливает.

Откинувшись на спинку барного стула осматриваю клуб. Вспоминаю, как однажды отдыхая в Аркадии, в Одессе, накануне открытия сезона в клубе «Ибица», кстати того самого клуба, куда ехал «Квартет И» в знаменитом фильме про разговоры, мой развивальщик Семен Панов все утро раздавал барменам в баре на пирсе щедрые чаевые, чтобы они его «узнавали» после открытия клуба. Пока они не сказали, что вечером работает не их смена.

– Вы боитесь круглых бутылок? – Сидящий рядом со мной

парень лет двадцати-двадцати двух, судя по произношению выходец с востока.

В ответ на мой недоуменный взгляд он показывает на бутылку виски на барной витрине и на воду, стоящую передо мной. Кхxм, ну да, обе бутылки квадратные.

– Ненавижу звук укатывающегося от меня питья. – Неуклюже шучу я и улыбаюсь. Но улыбаюсь не собственной шутке, а тому, что я определил восточные корни парня по акценту, а не по его внешности.

Внимательнее смотрю на соседа. Да, вероятно не больше двадцати, угловатые и какие-то нездорово худые черты смуглого лица, черные, даже на вид очень жесткие волосы, тонкие запястья выглядывают из под черной рубашки. На левом запястье что-то огромно-золотое и вроде бы даже с какими-то камушками. Вероятно, какой-нибудь «Аль Мактум» приехал на каникулы, возможно даже без ведома папы-шейха. В Штаты пока что побоялся, а вот западная часть Стамбула – самое то для «первого бала».

– Я впервые в ночном клубе. – Доверительно сообщает мне сосед, частично подтверждая то, что я уже увидел.

Ну да, у располагающей внешности есть свои минусы. Я всегда, словно магнит, притягиваю к себе желающих поделиться сакральными секретами. От бабушек в парках до вот таких вот, начинающих арабских тусовщиков. Тем временем араб вытаскивает из кармана узеньких брюк две сотенные купюры и машет бармену. Зеленые купюры без Ататюрка,

зато с Франклином с одной, и Индепендент-Холлом с другой стороны.

– Виски, самый лучший, две порции, – это бармену, и тут же склоняется ко мне, – позвольте я вас угощу?

Спасать идиота, или пусть сам плывет? А может, это и есть мое задание, может я тут именно ради этой вот встречи? Ну нет, должен же быть хоть какой-то возрастной ценз что у спецслужб, что у террористов.

Хотя. Когда-то Дзантиев настоял на том, что все наши сотрудники проходят раз в пару лет семинар по безопасности. Так вот, по антитеррористическому учебнику первой из группы нужно устранять женщин. Они более фанатичны, чем мужчины. И на том, что их меньше всего будут держать на мушке, может строится план терактов. А те, кто готов использовать для таких целей женщин, вполне себе допустимо дойдут и до детей.

То, что какие-то абстрактные террористы могут использовать в своих планах женщин и детей не освобождает меня от необходимости их же, женщин и детей, защищать. Приятные бабочки самолюбования радостно запорхали в моей голове. Или это просто газы от двух бутылок шампанского, выпитых сегодня днем?

Тем временем арабчик прям-таки взывает к тому, чтобы я вмешался. Этот восточный Рокфеллер уже получил рокс с виски и теперь машет руками, убеждая бармена принять доллары к оплате. Обе бумажки. В хорошем заведении у барме-

на нет права принимать иностранную валюту, только местный нал или карты. Тут хорошее заведение…

– Уважаемый, вы ставите сотрудника в неудобное положение, из уважения к вам он, конечно, примет доллары, но тут везде камеры, и уже сегодня ночью его уволят. А у него наверняка есть любимая, которая ждет его дома. Его, и его зарплату. – Прямой совет вызвал бы в нем протест, а тут, я прошу его о милости, о великодушии по отношению к персоналу, к прислуге…

– Да, да эфенди, спасибо, я же говорил, что я впервые в клубе.

Он что, принял меня за турка? Итальянец, немец, даже американец был. А вот за турка меня еще никто не принимал.

– Чем позже вы начнете ходить по клубам, тем с большей вероятностью вы сможете вспоминать свои первые заведения без краски на лице, – тихо говорю я, вероятно мой собеседник даже не слышит этих слов, он как-то жадно, чуть не единым глотком выпивает свою порцию виски. Так он долго моим собеседником оставаться не будет…

– Сер, – нарочито официально обращаюсь я к нему, – у вас карта есть? Оплатите, пожалуйста, выпивку. – Бармен, отказавшийся от долларов, все еще стоит перед нами в ожидании денег.

Парень прячет наконец купюры в карман, все это время он так и держал их в левой руке. Достает кредитку и прикла-

дывает ее к терминалу. Затем жестом показывает бармену на свой бокал и просит повторить.

Я попытался. Но останавливать подростков, решивших потерять алко девственность, я не собираюсь. Да и вообще, беседа с подрастающими арабами мне сейчас не интересна, поэтому делаю в его сторону салют бокалом и, не дожидаясь ответа, отворачиваюсь в сторону зала. Араб вроде бы что-то говорит в мою сторону, но, не получая обратной связи, очень быстро переключается то ли на бармена, то ли на соседа с другой стороны.

Я ожидаю, что ко мне кто-то подойдет, меня как-то привлекут к неким действиям, в общем, я жду. Не знаю, как должен вести себя Джеймс Бонд, этому меня в Кубанском Гос Университете не учили, поэтому я просто наслаждаюсь виски, видом красивых девушек, танцующих отнюдь не в мусульманском стиле, вообще настроением клуба.

Примерно через час я допил свой первый Блэк Лейбл и уже готов был сделать следующий шаг по барной лесенке. Это мое собственное изобретение. Я заказываю сначала сто шестьдесят, во второй раз сто двадцать и наконец восемьдесят граммов виски. Итоговые триста шестьдесят – это мой золотой стандарт вечера. Я уже хотел было повернуться и найти глазами бармена, когда заметил что-то странное.

Женщина лет двадцати пяти, симпатичная, с антрацитово-черными в лучах светомузыки волосами ниже лопаток, наверняка со значительной долей восточных кровей. Этот

типаж был бы приметен в любом городе России, от Питера до Владивостока, за исключением Казани, Уфы или Ставрополя. Тем более, не было ничего примечательно в этой красивой девушке в стамбульском клубе. Разве что, танцующие неподалеку амбалы, нарочито не замечающие девушку и не приближающиеся к ней ближе полутора метров. Вот только на нее то они не смотрели, а на всех, кто находился на тех семи метрах, что составляли полутораметровый круг вокруг танцующей девушки, они смотрели очень так себе пристально и не добро. Я даже заметил вполне профессиональное оттеснение одного очень уж экзальтированного азиата из этого круга. Просто один из здоровяков, в танце, продвинулся к нему и буквально пузом вытолкал его за невидимый круг. Как в сумо или какой-нибудь борьбе кочевников. Ну бывает. Дочка или жена какого-то бизнесмена решила отдохнуть в клубе без подруг. Сумочка с помадой, телефоном и кредиткой, пара телохранителей. Нормальный набор, вполне себе ложится в стандарт. Вот только уж слишком профессионально работают телохранители, я их работу замечаю лишь оттого, что час сижу на одном месте. Для клуба как раз мое поведение – сплошной нонсенс. Ну да ладно. Я тут не танцевать, я тут Европу спасать приехал.

Но не танец или красота девушки привлекли мое внимание. Странность заключалась в ее взгляде. Я не урод, напротив, многие, совершенно объективные женщины, называли меня красивым. Я высок, спортивен, у меня отличная, распо-

лагающая улыбка. Но все же то, что танцующая в семи-восьми метрах от меня женщина настойчиво смотрит на меня и, как будто нарочно, делает откровенные па именно в мою сторону – это слегка не входит в мою стандартную картину мира. Я даже несколько раз оборачивался к стойке, якобы за водой или лимоном, чтобы проверить, может все дело в зеркалах за спиной бармена.

И тут мой эффективный мозг, тот мой орган, который я обычно хвалю за его быстродействие, наконец находит объяснение. Я начинаю еще шире улыбаться и, теперь уже не стесняясь, рассматриваю девушку. Наконец-таки я догадался, что это мой связной, моя радистка Кэт, мой Вергилий на пути в мир шпионов. Я смотрю на нее и мои губы растягиваются просто в голливудской улыбке. Не зря говорят, что самые искренние улыбки – у идиотов.

Девушка покинула площадку, вместе с нею ушли и здоровяки, причем очень грамотно, все так же держа дистанцию и вроде бы даже не взаимодействую между собой, два амбала будто бы взяли женщину в клещи, один раздвигал перед ней толпу, а второй прикрывал ее сзади. Но внешне все выглядело, как будто они случайно оказались попутчиками.

Вероятно, пора перейти на следующую стадию моего с ней общения, от пантомимы к обмену информацией посредством речи.

Я показываю бармену, что еще вернусь и жестом прошу

его сохранить мое место. Он признательно принимает еще одну купюру в пятьдесят лир. Это, разумеется, ни разу не гарантирует мне свободное место по возвращении, но то, что отныне он будет выполнять мой заказ в первую очередь я точно знаю. Дружить с барменом всегда полезно. Даже если эта дружба основана на ваших деньгах.

Беру квадратную бутылку «Фиджи» и, прихлебывая уже теплую воду, иду вслед за троицей, которая старается не показать, что они вместе.

Прелесть стамбульских клубов, как впрочем и многих подобных заведений в южных городах, будь то Майями, Мадрид или Валетта, во внутренних двориках. С большой вероятностью, пройдя насквозь танц площадку и лаундж зону, вы попадете в недлинный коридорчик, ведущий в маленькое патио, где можно покурить или просто подышать и отдохнуть от гремящей музыки. Обычно, выход на эту площадку известен только завсегдатаям, хотя и препятствовать кому-то в проходе на свежий воздух никто не станет.

За час сидения у стойки с бокалом виски я, разумеется, уже знал основные направления, «розу ветров» этого клуба. Справа, в той стороне, где находится вход, на втором этаже отдельные ВИП кабинки. Именно в ту сторону смотрят особенно ярко накрашенные и откровенно танцующие молодые девушки, иногда подходящие к стойке выпить минералку или сок.

Как и практически во всех клубах, туалеты находятся в противоположной от входа стороне. Кстати, так же и во многих ресторанах. Случаи, когда кто-то из большого стола извиняется и уходит в туалет, так и не вернувшись после этого к столу, к сожалению не так уж редки в практике общепита. Удобства в глубине зала хоть как-то могут помочь бедолагам, не умеющим выбирать друзей. Судя по передвижениям людей в этом клубе, здесь туалеты находятся слева по той стороне, у которой расположен центральный бар.

А вот слева и по диагонали от меня, вероятно, как раз и находится выход во внутренний дворик. Поток людей в том направлении единичный, так и должно быть, но главное, туда периодически уходят официанты, значит там даже столики есть.

Замечательно, с удовольствием попью водичку на свежем воздухе. Ну и заодно узнаю у своей связной, что Алекс передает Юстасу.

Прохожу не плотную толпу на танцполе. Конечно, я мог бы пройти и по периметру, не рассекая танцующих по прямой, но, во-первых, так быстрее, а во-вторых, я все же не уверен в том, что выход на террасу найду без подсказки, такие места обычно не афишируются, чтобы сохранить налет избранности, оставить их «для своих», поэтому я спешу за широкой спиной удаляющегося амбала. Ну и в-третьих, это ведь клуб, а я вероятно уже через несколько минут отсюда

уеду. А как же побывать в клубе, выпить виски и даже не встать ногой на танцпол?

Патио скорее напоминало колодец питерского двора. Освещенное лишь множеством световых гирлянд, хаотично навешанных на стены и натянутых над головами, а еще неяркими, розово-молочными светящимися шарами, стоящими посреди маленьких, буквально метр в диаметре, белых металлических столиков. За одним из таких столов, на ажурном белом металлическом стуле с высокой, много выше головы, спинкой, сидела восточная красавица и пристально смотрела на меня. Как только я сделал шаг из коридора во двор, она изящно приподняла правую руку, вытянув ее в мою сторону и, словно в восточном танце, поманила меня перебором пальцев.

Внутренне сделав усилие, чтобы не рвануть к ней, я осматриваюсь. Дворик небольшой, квадрат буквально семь на семь, пять столиков стоят на максимальном удалении, но все же конфиденциальности тут не получить. Сейчас заняты лишь пара столиков в дальних, самых темных углах. Судя по игре теней, там кто-то активно планирует свадьбу. Меня волнует отсутствие качков. Я точно видел, что они вышли сюда, но здесь их нет. Вероятно, из дворика есть выход на улицу. Действительно, я вспоминаю что все напитки, приобретаемые посетителями, тут же оплачиваются. У всех официантов на поясе висят мобильные терминалы. Да, в таком случае опасаться сбежавших студентов нет смысла. Но все же от-

сутствие амбалов меня настораживает. Ага, а вот и объяснение. В дальнем темном углу виднеется неприметная дверца, возле которой стоит клубный охранник. Я припоминаю все пройденные повороты и понимаю, что дверь ведет как раз в тот проулок, где стоит полицейская «Тесла». Зачем амбалам покидать заведение и оставлять тут свою подопечную?

Ну а дальше происходит вообще черт знает что!

Глава 8

Я подхожу к столику и берусь за спинку стула. Вот только лицо моей связной при этом делается какое-то странное. Она одновременно удивлена и, кажется, она злится? Я хорошо читаю лица, я умею идентифицировать эмоции, я выиграл миллион переговоров потому что умею понимать настроения людей по их выражению лица. Женщина, почти час откровенно зазывавшая меня в танце и только что делавшая недвусмысленный призывный жест рукой, совершенно искренне, без игры, сердится на то, что я к ней подошел.

– Horses for courses cube man! – Английский с восточным акцентом, растянутости гласных и выделению шипящих помогает уже изрядная доля алкоголя, молодой голос, легкая, вежливая рука трогает мое плечо.

«Каждому свое, квадратик»! Уже зная, кого увижу, я оборачиваюсь. И за те доли секунды, что требуются моему телу на сто восьмидесяти градусный поворот, мой мозг выдает мне ответ, из-за которого я начинаю внутренне смеяться, даже скорее ржать как настоящий конь и кричать приморской чаечкой от восторга! Нда, обскакал меня арабский скакун. А вот ничего, будет мне, старику, уроком.

Возможно, вы когда-то были нескладным, тощим, некрасивым подростком. Разумеется, сейчас вы крепкий спортив-

ный мужчина, но может быть когда-то вы еще не были таким. А девушки вас уже интересовали. И если это так, то, опять же возможно, у вас была в жизни ситуация, когда девушка смотрела на вас и, например, подмигивала. Вспомните вашу первую реакцию. Если вы умный, вы наверняка тут же пытались вспомнить, а не стоит ли за вами капитан школьной футбольной команды. Если ваши мышцы опережали ваш мозг, вы, с растерянным лицом, оборачивались, чтобы проверить наличие спортсмена за спиной.

Но возможна и противоположная ситуация. С раннего детства вы были самым высоким в классе, молодцы родители приучили вас к зарядке, умыванию и чистке зубов, поэтому с подростковых времен вы всегда были окружены вниманием одноклассниц, наверняка повзрослевших раньше вас. Именно так было в моем случае. Поэтому, когда я понял, что все те знаки, которые проявляла красавица, были направлены не на меня, а на моего соседа по барной стойке, молодого араба с вычурными часами, я, на долю секунды удивился, а затем благодарно рассмеялся. Отличный, замечательный щелчок по носу моему самомнению! Разумеется, все это пронеслось внутри, в моей голове. Внешне я оставался невозмутим. По крайней мере я на это надеялся.

Вежливо извиняюсь перед дамой, возвращаю арабу приветливое похлопывание по плечу и дополняю его столь же вежливым кивком, говоря на универсальном барном языке, на котором говорят посетители всех питейных заведений,

что он молодец и красавчик а я, ну попробовал, не получилось, ну и бывает.

Если бы мое возвращение не могло бы быть расценено как стыдливый побег с поля моего, возможно даже только мне заметного фиаско, я бы вернулся к барной стойке. Кроме вкусного виски, я в тот момент был лишь на первой ступени из трех запланированных, мне еще нужно было дождаться неких событий. Ведь не зря меня притащили из моего офиса в Краснодаре в этот клуб в Стамбуле. Но, даже самому себе не желая давать намека на побег, я решаю остаться в дворике, отхожу за один из двух свободных столов и сажусь, разумеется спиной к арабу и к так и не ставшей моей связной девушке. Отчасти, на мое решение остаться в патио повлиял свежий воздух, которого все же не хватало внутри заведения, а может это официант, принявший у меня заказ и пообещавший принести выпивку через пару мгновений.

Я сидел спиной к арабу и девушке, я не видел их, но все же что-то не давало мне покоя. Вначале я даже было попробовал заглушить это чувство беспокойства, вызванное какой-то нестыковкой, шероховатостью в поведении пока еще не понятно кого. Но этот бугорок на ровной поверхности стола-сегодняшнего вечера не давал мне покоя. Жизнь научила меня доверять моим инстинктам. Это не из области медиумов, экстрасенсов или еще чего-то с Рен-ТВ. Это, по крайней мере, для меня, факт. Мой мозг умнее меня. Странно звучит? Возможно, но наш организм вообще замечательная

штука, слава Богу не всегда подчиняющийся нашим командам. По крайней мере не всегда дожидающийся наших команд. Так же и с моим мозгом. Я видел что-то, что выбивается из стандартной, приемлемой картины. Я еще не понимаю, что это, но я пойму, я умею учиться.

Через три минуты, мне даже уже принесли виски, я понял, в чем странность. Через четыре минуты я узнал, что сделал неверный вывод. Через пять минут я перестал что-либо понимать.

Во многих клубах есть специальные сотрудницы, обычно это симпатичные и умные девушки, в обязанности которых входит знакомство с мужчинами и поднятие среднего чека столика. Эдакий вариант гейши, только в ночном клубе. Мои американские друзья-рестораторы называют эту профессию «consummater», в русских заведениях эта должность обычно называется промоутер или промо-герл. Девушка должна знакомиться с гостями, общаться, веселиться и, разумеется, разводить их на покупку дорогого алкоголя. То, что восточная красавица, так и не ставшая моей радисткой-Кэт, может работать промоутером – вполне ложится в логику заведения. Амбалы – охранники клуба. Они охраняют свою коллегу на этапе ловли клиента и, скорее всего, вновь появятся неподалеку в момент расставания, предотвращая возможный конфликт, когда девушка откажется покинуть заведение с новым другом. Вот только это не тот бугорок, за который могло

зацепиться мое сознание. Араб и так готов сорить деньгами, ему промоутеры для этого не нужны. Странно, что именно он стал объектом внимания девушки.

Жизнь научила меня тому, что не все ее тайны нужно раскрывать.

Грозит ли арабу опасность? Ну нет. Максимум, этот вечер обойдется ему в пару-тройку тысяч долларов и жесткое похмелье утром. Так за уроки нужно платить.

А вот я, что-то, засиделся на воздухе. Я ведь сюда не просто так, я сюда мир спасать приехал. Пора в зал, искать то, не знаю, что, ради чего я тут.

Я поднимаю бокал, оборачиваюсь к столику араба и женщины, чтобы послать им на прощание салют, и вижу, что их столик пуст. Мой стол ближе к танцполу, поэтому вернуться в зал кроме как пройдя мимо меня они не могли. Из патио есть лишь два выхода, в зал и в переулок, к «Тесле». Тут даже дедуктивных способностей Шерлока не нужно, чтобы сообразить, что моя парочка покинула заведение. А вот это и правда странно. Странно и опасно. Потому что все, что происходит в клубе – угрожает только кошельку и печени парня. А вот то, что с ним сделают там…

В среднем на принятие решения у меня уходит одна-две секунды. Раз Миссисипи, два Миссисипи. Если решение основывается на эмоциях, больше времени на раздумья мне не требуется. Это решение было исключительно эмоциональным. Если на одной чаше весов лежит абстрактная встреча

с кем-то для участия в спасении мира, а на другой чашке – такой же абстрактный, безымянный для меня, арабский парнишка – я выберу помощь ему. Может потому, что абстрактным он как раз уже и не является.

Отставляю так и не выпитый бокал с виски, беру в руку квадратную бутылку воды, подхожу к незаметной дверце.

– Вы не сможете вернуться в клуб сэр, через эту дверь можно только выйти. – Охранник кажется даже не смотрит на меня, будто это робот, активирующийся при приближении и просто воспроизводящий запись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.